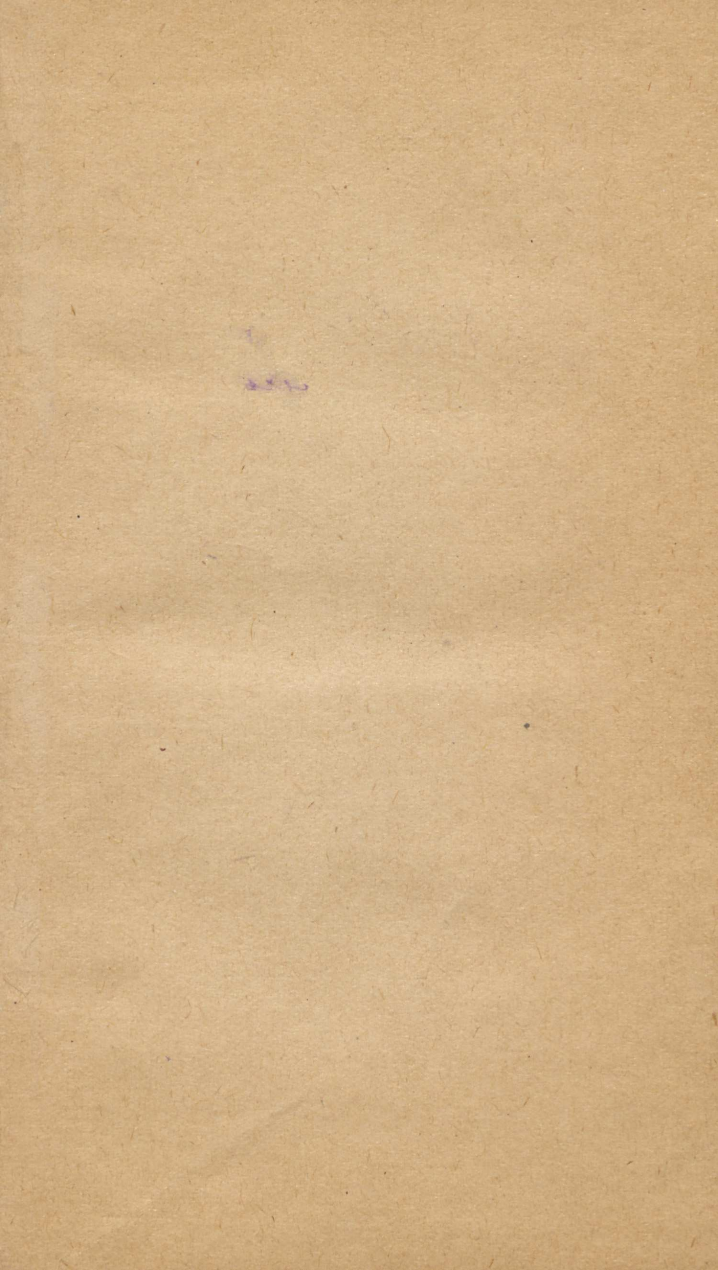

КАНДИДАМАНТОРЪ

или

ГРЕЧЕСКІЙ ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

ПОВѢСТЬ,

Содержащая въ себѣ рѣдкія и любопытныя приключенія.

Переведена

Съ Французскаго языка

Матвѣемъ Сонцовымъ.

МОСКВА,
въ Типографіи Пономарева.
1796 года.

Quid rides? mutato nomine fabula
de te narratur.

Horat. Satyr. I.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ ПЕРЕВОДИВШАГО.

Нравственность сего творенія одобряетъ тотъ трудъ, хотя самъ по себѣ и маловажный, которой я предпринялъ въ преложеніи его на отечественный мой языкъ. Намѣреніе сочинителево въ изданіи въ свѣтъ столь трогательной и живыми красками написанной картины гнусныхъ пороковъ и слабостей человѣческихъ было, думаю, то, чтобъ представивъ поползновенному на все юношеству пагубныя слѣдствія оныхъ, возродить въ немъ, ежели можно, хотя нѣкоторое отвращеніе отъ оныхъ, и удержать его стремительность. Равномѣрна и моя цѣль была въ предпріятіи сего малаго труда. Сколь много бы мы были счастливы, естьли бы всегда согласовались съ намѣреніемъ издателей нравственныхъ твореній, изображенныхъ подъ различными видами; когда бы все прочитанное нами

на насъ дѣйствовало сообразно хорошимъ наставленіямъ, преподаваемымъ честными путеводителями слѣпой молодости. Я увѣренъ, что всякой порочной человѣкъ увидѣвъ въ семъ изданіи истинное свое изображеніе будетъ непріятелемъ онаго. Но какъ я предоставляю его безпристрастному сужденію благоразумнаго общества; то и не страшусь язвительныхъ упрековъ людей развращенныхъ, которыхъ, увѣренъ очень не много въ такомъ благоустроенномъ Государствѣ, гдѣ сѣдящая на престолѣ премудрость за первый долгъ поставляетъ образовать сердца своихъ подданныхъ, насаждая въ нихъ сѣмена добродѣтели.

Здѣсь описывается молодой человѣкъ, хотя съ начала примѣрное воспитаніе получившій, но по нѣкоему злому року, а паче по собственной своей опрометчивости отъ отечества своего

отчужденный и бѣдственную жизнь влекущїй по разнымъ Государствамъ. Здѣсь невѣжество и суевѣрїе жрецовъ принуждаетъ добродѣтельнаго философа удалиться отъ своихъ сограждан за откровенїе таинствъ природы въ непроходимыя дебри, собѣседовать съ хищными звѣрьми, и повредить образъ прежнихъ мыслей, а наконецъ и быть растерзану дикими людьми. Здѣсь хитрая обманчивость скрываясь подъ личиною добродѣтели уловляетъ невинность молодаго Аѳинянина, и платитъ ему за добро зломъ. Здѣсь недовѣрчивость и испытанїе вѣрности супруги прикрывавшей гнусность своихъ пороковъ ложнымъ видомъ набожности становится совершенною гибелью самому испытателю, и содѣлывается причиною безчестнаго его изгнанїя изъ отечества. Здѣсь вообще изображенъ всякаго званїя человѣкъ съ своими слабостями и съ произ-

текающими отъ того худыми слѣдствїями. Наконецъ странствїе молодаго человѣка оканчивается тихимъ и безмятежнымъ пристанищемъ. Онъ достигаетъ преславутаго Мемфиса, является мудрому Царю, добродѣтели его возводятъ на высокое достоинство, а паче снискиваетъ истинную дружбу Государя.

Чтожъ касается до перевода моего, то погрѣшности, усмотренныя благосклоннымъ читателемъ, прошу извинить; ибо онъ есть первый опытъ преложенїя моего на Россїйскїй языкъ иностранныхъ творенїй.

КАНДИДАМАНТОРЪ,

ИЛИ ГРЕЧЕСКІЙ ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

ГЛАВА I.

Объявленіе любви.

Смерть Сократа возвела на вышшую степень славу Аѳинянъ, и жрецы оказали изрядные опыты своей мудрости, принудивъ добродѣтельнаго мужа испить ядъ, которой осмѣлился смѣяться надъ Минервиной совою.

Въ семъ просвѣщенномъ вѣкѣ жилъ въ Аѳинахъ нѣкоторой молодой человѣкъ по имени Кандидаманторъ, наслѣдникъ отца, оставившаго ему великое богатство. Онъ умѣлъ изъ онаго сдѣлать рѣдкое употребленіе, то есть: одолжалъ онымъ, не получая отъ того никакой пользы, и раздавалъ оное, никому о томъ не объявляя. Кандидаманторъ былъ почитаемъ своими равными, любимъ подчиненными и обожаемъ своими невольниками. Его почитали болѣе отцемъ, нежели мучителемъ тѣ, которые отъ него зависѣли, и онъ не былъ никогда зараженъ подлою гардостью, свойственною непросвѣщенному дворянину, которой своихъ подданныхъ почитаетъ хуже своихъ кроликовъ.

Будучи увѣренъ, что человѣкъ выходитъ изъ рукъ природы весьма несовершеннымъ, просвѣщенный отецъ молодаго Аѳинянина не щадилъ ничего для приведенія сына своего въ состояніе заслужить нѣкогда почтеніе отъ своихъ согражданъ. Кандидамант оръ соблюдалъ вездѣ свою важность, умѣлъ искусно управлять лошадью, бросать копье, и говорить свободно. Онъ зналъ нѣсколько иностранныхъ языковъ и часть Философіи, довольно образующую сердце для наученія мыслить. Ко всѣмъ симъ выгодамъ присоединялъ онъ важной станъ и привлекательной видъ, такъ какъ главную вещь изъ всѣхъ тѣхъ, которыя болѣе другими одобряются. Молодой

человѣкъ, которой подаетъ о себѣ столь высокую надежду, не могъ не нравиться; по чему многія молодыя Аѳинянки одна передъ другой старались плѣнить его сердце, но стараніе ихъ было тщетно.

Въ томъ же городѣ славился Философъ Сильваниръ, которой иногда имѣлъ прѣніе съ жрецами и градоначальниками. Онъ обвиненъ уже былъ въ безбожіи; ибо утверждалъ, что можно вѣсить воздухъ; а съ тѣхъ поръ его стали почитать за опаснаго человѣка, какъ онъ вывелъ изъ яицъ цыплятъ безъ помощи матери.

Сей мудрецъ былъ отецъ прекрасной Аѳинянки, называемой Евгенія. Она заключала въ себѣ всѣ прелести цвѣтущей моло-

дости, а нравъ ея еще болѣе ее украшалъ. Кандидаманторъ не могъ на нее смотрѣть, не чувствуя къ ней любви; Евгенія же будучи охраняема счастливою своею невинностію, не могла того примѣтить. Однакожъ она была увѣрена, что онъ былъ учтивъ, прозорливъ и старателенъ; но никогда не думала, чтобъ особенной случай могъ быть тому причиною. Евгенія дѣлала много чести мужчинамъ, думая, что они всѣ таковы, не будучи къ тому приведены какою либо побудительною причиною для своихъ выгодъ.

Нѣкогда Кандидаманторъ вознамѣрился позабавиться охотою на своихъ дачахъ, по чему и просилъ нѣкоторыхъ женщинъ быть тому свидѣтельницами.

Евгенія приглашена была изъ первыхъ. Молодой охотникъ имѣлъ прекрасную собаку, которую онъ всегда водилъ съ собою, и безпрестанно ее хвалилъ. Во время охоты, собака сія преслѣдуя зайца, пробѣжала такъ близко подлѣ Евгеніи, что ее уронила. Кандидамантоpъ лишь только сіе увидѣлъ, то ни мало ни о чемъ не разсуждая, напрягши свой лукъ умертвилъ на томъ же мѣстѣ свою собаку, и бросился къ Евгеніи. Таковая скоропоспѣшность пожертвовать любимымъ животнымъ, произвела нѣкоторое дѣйствіе въ прекрасной Аѳинянкѣ. Она упала весьма легко и не ушиблась; казалось, что Евгенія была тронута судьбою сабаки; но въ самое

то время видно было на глазахъ ея, что она чувствовала благодарность къ Кандидамантору, за принесенную ей жертву. Любовникъ былъ милъ, природа научила Евгенїю быть благодарной; по чему и скоро почувствовала, что уже не въ ея состоитъ власти не быть таковою.

Кандидаманторъ надѣялся въ туже минуту получить руку, которая составляла весь предметъ его желанїй; но кто можетъ положиться на непремѣнность человѣческихъ обстоятельствъ? То, что зависитъ отъ людей, весьма невѣрно. Сильваниръ будучи преданъ совершенно любомудрїю, продолжалъ свои опыты, и оставлялъ начальникамъ закона волю и

удовольствїе выключить его изъ Елисейскихъ полей. — Нѣкогда онъ издалъ трактатъ о рожденїи камней, плодъ долговременнаго труда; онъ доказывалъ въ немъ, что природа слѣдуетъ одинакимъ правиламъ въ произведенїи минералловъ, какъ и въ произведенїи растѣнїй и животныхъ. Жрецы тотчасъ объявили его святотатцемъ; народъ возмутился, и приказано было градоначальникамъ стараться о спасенїи республики. По многимъ нужнымъ разсмотрѣнїямъ о такой важной причинѣ, Ареопагское опредѣленїе объявило Сильванира непрїятелемъ республики, и осудило, чтобъ онъ живой былъ погребенъ для спасенїя своихъ сотражданъ. Мудрецъ свѣдавъ

о той опасности, которой онъ былъ подверженъ, сожалѣлъ о глупости своихъ судей; молилъ за нихъ Боговъ, и взявъ трость, удалился изъ Аѳинъ съ своею дочерью.

ГЛАВА II.

Персидской Сатрапъ.

Отсутствїе Евгенїи весьма много опечалило Кандидамантора. Онъ долго вездѣ ее искалъ, но тщетно. По чему казался быть неутѣшнымъ; однакожъ удаленїе любимаго нами предмета и время, такъ какъ первое лекарство отъ всѣхъ печалей, мало помалу смягчили его скорбь, и наконецъ привели

оную въ забвенїе. Онъ былъ молодъ и искалъ новаго союза.

Нѣкогда примѣтивъ онъ въ концѣ лѣса, отстоявшемъ на нѣсколько миль отъ Аѳинъ, женщинъ, изъ коихъ одна была наипрельщающаго вида. Онѣ казались погруженными въ величайшую печаль. Человѣколюбїе принудило его къ нимъ подойти, и сдѣлать имъ нѣкоторыя предложенїя къ ихъ услугамъ. Его отблагодарили за то просто, не оказавъ ни малѣйшаго желанїя оными воспользоваться. Онъ неотступно просилъ, чтобъ ему изъяснили причину проливаемыхъ ими слезъ, и предлагалъ имъ быть утѣшителемъ. Тогда старшая изъ нихъ, которая казалась быть служанкою, принуждала свою молодую го-

спожу не отвергать той помощи, которую казалось Боги имЪ низпосылали; а чтобЪ доказать незнакомцу , что и онѣ останутся кЪ нему не неблагодарными за его благодѣянія, то она разсказала ему исторію молодой особы, которую называла Синоіею.

Она была Коринѳянка и племянница богатаго Аѳинянина, о имени котораго умалчивали изЪ уваженія. Желаніе видѣть бездѣтнаго и престарѣлаго дядю, надежда быть нѣкогда его наслѣдницею, понудили Синоію пріѣхать вЪ Аѳины ; будучи ласкаема своимЪ дядею , она начинала уже видѣть приближающееся свое благополучіе , какЪ старикЪ прельстившись красотою своей племянницы, по-

требовалъ отъ нее такихъ пожертвованій, о коихъ одна только мысль приводила въ трепетъ молодую дѣвушку. Она сперва старалась привесть его въ самаго себя; но разгнѣванный ея упорствомъ старикъ, разсердился даже до угрозъ, и хотѣхъ употребить силу, дабы достигнуть конца своихъ безчестныхъ намѣренiй. Племянница ушла изъ дому, и захотѣла лучше погибнуть въ лѣсу, нежели согласиться на то беззаконное преступленiе, коего единое воспоминанiе приводило ее въ ужасъ.

Кандидаманторъ весьма былъ радъ, что нашелъ случай подать руку помощи постоянной дѣвицѣ, имѣющей прекрас-

ные глаза. Онъ предложилъ ей домъ въ сосѣдственной деревнѣ. Заставя себя еще нѣсколько просить, Синоїя, негодуя на своего дядю приняла предложенїе, превознося хвалами тѣхъ, которые оказываютъ услуги молодымъ дѣвицамъ. Красота молодой Коринөянки, привычка ее видѣть, и еще болѣе прїятность свободы, возродили въ немъ непреодолимыя желанїя ею обладать. Весьма прїятно жить съ тѣмъ, кого любимъ. Кандидаманторъ изъяснился; они проливали слезы, и жаловались на тѣхъ людей, которые никогда ничего не дѣлаютъ, не предполагая въ томъ своихъ выгодъ.—Между тѣмъ, какъ утопали они въ слезахъ, Кандидаманторъ дѣлалъ нѣкоторыя ша

лости, въ коихъ ему не препятствовали. Женщина въ печали не можетъ всего примѣтить, довольно и того, чтобъ только заниматься своими слезами. Онъ вдругъ разгорячился; но его тотчасъ оттолкнули. Онъ началъ дѣлать великія обѣщанія, и его нашли пріятнымъ. Кандидамантдоръ имѣлъ свое пребываніе въ деревнѣ. Обрадованный новой своей побѣдой, Аѳинянинъ, почиталъ себя столь же счастливымъ, какъ и думалъ быть любимымъ, и ласкалъ себя надеждою, что ничто не можетъ разрушить его благополучія. Но и сами Боги обманываются, говоритъ нѣкоторой мудрецъ, естьли думаютъ, что они могутъ знать все сокровенное въ сердцѣ женщины.

Кандидаманторъ возвратясь въ Аѳины, вознамѣрился отослать къ Синѳіи довольно знатную сумму денегъ, подъ тѣмъ видомъ, что можетъ быть, ей въ нихъ будетъ нужда, во время его отсутствія. Между невольниками, которые не были въ деревнѣ съ Кандидаманторомъ, находился одинъ смѣлой Карѳагенецъ, которой не имѣлъ такого хорошаго мнѣнія, какъ его Господинъ, о знакомствѣ сведенномъ въ лѣсу. Онъ назначенъ былъ отнести подарокъ къ Синѳіи. Узнавъ же отъ товарищей своихъ о нравѣ Коринѳянки, промыслилъ на деньги своего господина себѣ богатое платье, нанялъ колесницу и невольниковъ. Въ семъ экипажѣ рѣшился сдѣлать посѣщеніе Син-

ѳїи, и вручить ей подарокъ отъ Кандидамантора, но съ тѣмъ, чтобъ красавица ему за то заплатила проценты.

Въ полдень прїѣзжаетъ великолѣпная колесница, заложенная четырьмя прекрасными лошадьми, и преслѣдуемая многочисленною свитою; изъ оной выходитъ статской человѣкъ, которой приказываетъ себя объявить Персидскимъ Сатрапомъ, и проситъ имѣть честь увидѣть Синеїю. Можно ли отказать въ принятїи великолѣпно одѣтаго чужестранца? По нѣсколькихъ сухихъ поклонахъ онъ начинаетъ говорить о постороннихъ дѣлахъ, а по томъ прямо открывается, что онъ влюбленъ; говоритъ о условїи, обѣщаетъ знатную сумму денегъ и хранить

тайну. Предложенїе было сдѣлано скоропостижно; по чему оно равномѣрнымъ образомъ и было принято: и такъ приготовили великолѣпный пиръ для Персидскаго Сатрапа.

Среди обѣда является вдругъ несносной человѣкъ, котораго совсѣмъ не ожидали: это былъ Кандидаманторъ; онъ входитъ, видитъ незнакомца, разсматриваетъ онаго, и узнаетъ въ немъ Карѳагенца, своего невольника, который поднимаетъ крикъ и бросается къ его ногамъ. Сїя нечаянность требовала изъяснения. Синѳїя пребывала въ смятении. Кандидаманторъ молчалъ; а невольникъ воспользовавшись сей минутой, удалился.

Кандидаманторъ, вышедъ изъ перваго своего удивле-

ѳіи, и вручить ей подарокъ отъ Кандидамантора, но съ тѣмъ, чтобъ красавица ему за то заплатила проценты.

Въ полдень прїѣзжаетъ великолѣпная колесница, заложенная четырьмя прекрасными лошадьми, и преслѣдуемая многочисленною свитою; изъ оной выходитъ статской человѣкъ, которой приказываетъ себя объявить Персидскимъ Сатрапомъ, и проситъ имѣть честь увидѣть Синеїю. Можно ли отказать въ принятїи великолѣпно одѣтаго чужестранца? По нѣсколькихъ сухихъ поклонахъ онъ начинаетъ говорить о постороннихъ дѣлахъ, а по томъ прямо открывается, что онъ влюбленъ; говоритъ о условїи, обѣщаетъ знатную сумму денегъ и хранить

тайну. Предложенїе было сдѣлано скоропостижно; по чему оно равномѣрнымъ образомъ и было принято: и такъ приготовили великолѣпный пиръ для Персидскаго Сатрапа.

Среди обѣда является вдругъ несносной человѣкъ, котораго совсѣмъ не ожидали: это былъ Кандидаманторъ; онъ входитъ, видитъ незнакомца, разсматриваетъ онаго, и узнаетъ въ немъ Карѳагенца, своего невольника, который поднимаетъ крикъ и бросается къ его ногамъ. Сїя нечаянность требовала изъясненїя. Синѳїя пребывала въ смятенїи. Кандидаманторъ молчалъ; а невольникъ воспользовавшись сей минутой, удалился.

Кандидаманторъ, вышедъ изъ перваго своего удивле-

ѳїи, и вручитъ ей подарокъ отъ Кандидамантора, но съ тѣмъ, чтобъ красавица ему за то заплатила проценты.

Въ полдень прїѣзжаетъ великолѣпная колесница, заложенная четырьмя прекрасными лошадьми, и преслѣдуемая многочисленною свитою; изъ оной выходитъ статской человѣкъ, которой приказываетъ себя объявить Персидскимъ Сатрапомъ, и проситъ имѣть честь увидѣть Синеѳїю. Можно ли отказать въ принятїи великолѣпно одѣтаго чужестранца? По нѣсколькихъ сухихъ поклонахъ онъ начинаетъ говорить о постороннихъ дѣлахъ, а по томъ прямо открывается, что онъ влюбленъ; говоритъ о условїи, обѣщаетъ знатную сумму денегъ и хранитъ

тайну. Предложеніе было сдѣлано скоропостижно; по чему оно равномѣрнымъ образомъ и было принято: и такъ приготовили великолѣпный пиръ для Персидскаго Сатрапа.

Среди обѣда является вдругъ несносной человѣкъ, котораго совсѣмъ не ожидали: это былъ Кандидаманторъ; онъ входитъ, видитъ незнакомца, разсматриваетъ онаго, и узнаетъ въ немъ Карѳагенца, своего невольника, который поднимаетъ крикъ и бросается къ его ногамъ. Сія нечаянность требовала изъясненія. Синѳія пребывала въ смятеніи. Кандидаманторъ молчалъ; а невольникъ воспользовавшись сей минутой, удалился.

Кандидаманторъ, вышедъ изъ перваго своего удивле-

нія, совѣтовалъ добродѣтельной племянницѣ возвратиться къ своему дядюшкѣ. Синөія плакала и показывала наиживѣйшіе знаки сожалѣнія, стараясь смягчить сердце своего любовника. Весь отвѣтъ его состоялъ въ увѣреніи ее, что онъ пребудетъ непремѣннымъ въ своемъ намѣреніи. По несчастію домъ нанятъ былъ на имя Синөіи. Какъ она увидѣла, что Кандидаманторъ не былъ расположенъ болѣе допускать себя обманывать; то она перестала плакать, и сказала, что этотъ домъ ея, и что все ей принадлежитъ. Разгнѣванный тѣмъ молодой человѣкъ приказалъ своимъ невольникамъ унести всѣ уборы, и поступилъ съ прекрасною Коринөянкою съ довольно малымъ

почтенїемъ. Синөїя ни мало не испугавшись, приказала позвать судью того мѣста, и приносила ему весьма чувствительную жалобу, что нѣкоторой Аөинянинъ, говорила она, котораго почти не знаетъ, пришелъ къ ней въ домъ и ее обидѣлъ. Синөїя была прекрасна, судья почелъ сїе дѣло весьма важнымъ; и какъ онъ считалъ себя обязаннымъ покровительствовать прекраснымъ чужестранкамъ: то и осудилъ Кандидамантора или итти въ темницу, или тотчасъ заплатить въ удовлетворенїе знатную сумму. Аөинянинъ сїе послѣднее опредѣленїе предпочелъ первому, обѣщаясь болѣе не вѣрить дѣвицамъ, которыя уходятъ въ лѣсъ для сохраненїя своей добродѣтели.

Прежде надобно узнать, а по томъ полюбить.

ГЛАВА III.

Мудрецы.

Кандидаманторъ, получивъ отвращенïе къ добродѣтельнымъ племянницамъ, рѣшился собсѣмъ предаться Философскому ученïю; оно утѣшаетъ въ печаляхъ, говорилъ онъ, оно научаетъ переносить нéсчастïя, умѣрять свои страсти, оно возвышаетъ душу выше ея самой, и естьли можетъ существовать совершенный человѣкъ, то это Философъ.

Кандидаманторъ тако разсуждая, посѣщалъ всѣ Аѳинскïя

Академіи. Онъ слушалъ съ удивленіемъ всѣ рѣчи мудрецовъ, и воображалъ себѣ, что онъ будетъ счастливъ, естьли самъ достигнетъ до такой степени совершенства, въ какомъ онъ ихъ видѣлъ.

Восхищаясь достоинствомъ сихъ превосходныхъ мужей, позвалъ онъ шестерыхъ изъ нихъ къ себѣ обѣдать. Хотя Философы и не бываютъ никогда пристрастны къ чувственнымъ удовольствіямъ; однако они точно всѣ явились въ назначенной часъ. Сперва начали разсуждать, и дожидаясь обѣда, занимались прекрасными нравоучительными разговорами. Невоздержаніе наипаче было ими почитаемо за наивеличайшій порокъ; поелику гнусное пьянство

уничижаетъ человѣка даже передъ скотомъ, и возбуждаетъ въ немъ позорное буйство. Гнѣвъ, по мнѣнїю ихъ, бываетъ страстью глупыхъ людей. Самая любовь, утѣшительница человѣчества, не была пощажена хладнокровными мудрецами. Всѣ называли ее стремленїемъ, влекущимъ за собою ненависти, брани, опустошенїя и разоренїя.

Мудрыя разсужденїя были прерваны принесенїемъ обѣда; каждой сѣлъ съ важностїю за столъ. Пиръ былъ прекрасенъ. Мудрецы жаловались на убытки, нанесенные симъ ихъ хозяину. Самой Аристонъ присовокупилъ къ сему прекрасное разсужденїе о умѣренности, и увѣрялъ хозяина, что для Философовъ довольно только од-

ной зелени и кореньевъ. Говоря такимъ образомъ мудрой Аристонъ, разрѣзывалъ жирную курицу, которую онъ находилъ весьма вкусною. Анаксандръ ощущалъ прïятной запахъ рѣчной птицы, которая бы достойна была Царскихъ устъ; Крисипъ ѣлъ такую деликатную рыбу, которой нигдѣ подобной найти не можно было, какъ только на столѣ жрецовъ Нептуновыхъ. Въ коропкое время съѣли Философы всѣ рѣдкïя и сочныя кушанья.

Когда ѣдятъ съ такимъ хорошимъ аппетитомъ; то надобно не много выпить. Сострапъ былъ первой, которой предложилъ отвѣдать иностраннаго вина, единственно только изъ любопытства, чтобъ у-

знать, точно ли сей напитокъ былъ такъ пріятенъ, какъ увѣряютъ сластолюбивые люди. Онъ наполнилъ свой бокалъ, и каждой послѣдовалъ его примѣру. Мудрецъ выпилъ и не нашелъ, чтобъ вино сіе заслуживало великое предпочтеніе. Вода, которая есть простой даръ природы, казалась ему превосходнѣе сего обманчиваго напитка, коего дѣйствія суть столь вредительны. Дѣлая такимъ образомъ нравоучительныя поученія, выпилъ онъ другой бокалъ. Всякое доказательство преслѣдуемо было рюмкою вина: и онъ столь много приводилъ доказательствъ, что напился пьянъ: вино вошедши въ голову, разгорячило умы мудрецовъ. Они начали го-

ворить безразсудно, и другЪ друга бранить наигрубѣйшимЪ образомЪ, превознося важность Философїи.

ВЪ самое то время явилась Ликориса, прекрасная садовница. Она принесла отборныхЪ плодовЪ, по прозьбѣ Кандидамантора. Присутствїе ея прекратило всѣ ругательства, и ей кланялись наиучтивѣйшимЪ образомЪ. КрисипЪ посадилЪ ее возлѣ себя. МудрецЪ примѣчалЪ блескЪ ея очей, и увѣрялЪ вЪ тоже самое время, что не возможно слишкомЪ удаляться отЪ любви; ибо она была причиною погибели и самыхЪ великихЪ мужей. ТакЪ, говорилЪ онЪ, любовь произвела пожарЪ вЪ Трои, а самЪ бралЪ руку своей сосѣдки. АхиллесЪ и Ага-

мемнонѣ хотѣли себя погубить за невольницу; а самѣ срывалѣ поцѣлуй сѣ розовыхѣ губѣ садовницы. Ахиллесѣ, храбрый Ахиллесѣ, былѣ убитѣ робкимѣ Парисомѣ за то, что не могѣ противустоять красотѣ Поликсениной, а самѣ старался положить руку на шею молодой Гречанки. Біасѣ ему вѣ томѣ воспрепятствовалѣ, желая самѣ поцѣловать Ликорису. Крисипу показалось сіе непристойнымѣ; за что ему и угрожалѣ. Біасѣ отвѣтствовалѣ такимѣ же тономѣ. Сострашѣ, для приведенія ихѣ вѣ согласіе, взялѣ прекрасную садовницу за руку, и хотѣлѣ ее увести вѣ отдаленное мѣсто. Крисипѣ преградилѣ его путь бокаломѣ, которой пустилѣ ему вѣ голову. Блюдо

было отвѣтомъ Сострата; но какъ мудрецъ не твердо зналъ въ то время законы равенства, то онъ весьма мѣтко попалъ въ Аристона, которой поставилъ себѣ за долгъ также ему отблагодарить. Война скоро учинилась общею, столъ былъ опрокинутъ, перебитыя бутылки катались по залу, и перекувыркнутые мудрецы плавали въ крови и винѣ. Сраженїе однакожъ кончилось; но трое изъ мудролюбцовъ возвратились домой изуродованными, а другїе трое едва могли найти дорогу къ своимъ домамъ; такимъ образомъ расходясь сїе мудролюбственное сословїе, превозносило важность Философїи и изящность воздержанїя.

ГЛАВА IV.

Опытъ.

Будучи созданы для взаимнаго пребыванія, довѣренность и бракъ не должны никогда быть раздѣлены. Супруги! желаете ли быть счастливы? Вѣрьте всему слѣпо, и никогда не испытывайте вѣрности своихъ супругъ. Кандидаманторъ хотѣлъ было сдѣлать опытъ, но сталъ жертвою онаго. Обманувшись въ Философахъ, и рѣшась быть только простымъ гражданиномъ, онъ вознамѣрился жениться; по чему и устремилъ взоръ свой на Аглаю, Аѳинянку довольно прекрасную, но еще болѣе набожную. Какъ онъ былъ богатъ, то скоро сдѣлался ея супругомъ.

Молодая особа увѣряла нѣсколько разъ Кандидамантора, что она желала имѣть мужа единственно только для того, дабы наслаждаться его бесѣдою. Недовѣрчивый ея супругъ воспользовался сими словами, чтобъ испытать, можетъ ли онъ быть любимъ, не предполагая къ тому никакихъ другихъ выгодъ. Онъ также съ спокойнымъ духомъ увѣрилъ легкомысленную свою супругу, что когда столь жестокосерда противъ его природа, то онъ принужденнымъ себя находитъ ограничить свои желанiя и не простирать оныхъ далѣе нѣжной дружбы.

Аглая была удивлена его довѣренностiю, но краска ея лица ей измѣнила. Однакожъ она нимало ни въ чемъ его не по-

дозрѣвая, сдѣлалася отъ того еще набожнѣе. Кандидаманторъ захотѣлъ еще долѣе произвесть свой опытъ, и въ одно утро вознамѣрился сокрыться въ храмѣ Сибеллы. Онъ скоро увидѣлъ, что и Аглая пришла въ оной, гдѣ пробывъ только одну минуту, пошла въ отдаленной предѣлъ, куда набожныя женщины ходятъ для очищенія.

Нетерпѣливый Кандидаманторъ, подождавъ нѣсколько времени, приближается къ предѣлу. Онъ ничего не слышитъ, ударяетъ въ дверь, которая растворяется, входитъ и не обрѣтаетъ тамъ Аглаи. Онъ вездѣ разсматриваетъ и находитъ еще дверь почти непримѣтную; онъ дошелъ до того, что ее отворилъ, а отворя нашелъ еще другую.

Разгнѣванный Кандидамантор хотѣл попытаться отворить и сiю, как вдруг услышал голос Аглаи, которая находилась в ближайщей комнатѣ. Но он слышал один только голос, и не мог надѣяться что либо увидѣть, как поднявши вверх голову усмотрѣл желѣзную рѣшетку, находящуюся над дверью, в которую осмѣлился он просунуть свою голову; но вдруг увидѣл себя сжатым таким образом, что не мог ни разинуть рта, ни выттти. Положенiе было довольно безпокойно для супруга. Он видѣл и слышал, что один жрец Сибеллин старался увѣрить молодую Аглаю в том, что Богиня удостоивала своих слу-

жителей такихъ милостей, въ которыхъ она отказывала нѣкоторымъ супругамъ, недостойнымъ ея благосклонности.

Разговоръ началъ становиться любопытнымъ. Кандидамантоpъ не могши кричать, далъ нѣсколько ударовъ въ дверь. Жрецъ и его набожная супруга подняли глаза, и увидѣли мужа просунувшаго голову сквозь рѣшетку. Настоятель былъ не такой человѣкъ, чтобъ могъ приведенъ быть въ замѣшательство отъ такой малости. Онъ вышелъ спокойно въ другую дверь съ Аглаею, и чрезъ минуту послѣ того послалъ туда стражей храма, которые освободили Кандидаманпора отъ жалкаго его положенія, и проводили прямо его въ темницу.

Можетъ быть не извѣстно правосудіе жрецовъ Сибеллиныхъ; оно есть произведеніе разсудка и политики. Жрецы присвоили себѣ право судить то, что касается до закона. Дабы быть наказану, то только стоитъ быть въ чемъ нибудь обличену. Вопрошаютъ мнимаго преступника, не объявляя о его доносителяхъ; надобно, чтобъ онъ самъ признался въ томъ, въ чемъ не думаетъ быть обвиненъ; а естьли не признаетъ себя виновнымъ, то его живаго сожигаютъ. Таковое дѣйствіе называется пріятнымъ жертвоприношеніемъ Сибеллѣ. Надобно согласиться, что жрецы Богини суть великіе законотолкователи.

Въ тотъ же самой день Кандидаманторъ приведенъ былъ передъ главнаго судїю. Онъ въ немъ тотчасъ узналъ того настоятеля, которой хотѣлъ утѣшить его жену. Знавши обыкновенїе, и ни мало не медля, признался для спасенїя своей жизни, что онъ имѣлъ несправедливыя подозрѣнїя въ разсужденїи своей жены, и что онъ дѣйствительно оскорбилъ Богиню, ворвавшись силою въ предѣлъ, посвященной ея таинствамъ. Онъ былъ избавленъ отъ смерти по трекратномъ сѣченїи, водя его около храма, а наконецъ выведенъ былъ за городъ, изъ котораго былъ изгнанъ, послѣ какъ жрецы разрушили его бракъ и описали имѣнїе, изъ котораго однакожъ

дали ему нѣкоторую малую часть изъ великодушія, которому всѣ вообще удивлялись.

ГЛАВА V.

Нищій.

Ограбленный разпутною Коринѳянкою, высѣченный за набожную супругу, Кандидамантоp съ спокойнымъ духомъ предприняль путь къ Персіи, сожалѣя о людяхъ, привязанныхъ къ добродѣтельнымъ племянницамъ и тѣмъ дѣвицамъ, которыя желаютъ только наслаждаться бесѣдою своего мужа. Онъ уже далеко былъ отъ Аѳинъ, какъ встрѣтился съ однимъ безногимъ нищимъ, ко-

торой подходилъ къ нему съ осклабленнымъ видомъ просить милостыни. Кандидаманторъ удивленный веселымъ видомъ, которой имѣлъ человѣкъ, изнуренный подъ бременемъ несчастія, подалъ ему милостыню, и изъявилъ нѣкоторое любопытство быть увѣдомлену о его несчастіи. Нищій тотчасъ взялся его удовольствовать; сѣлъ подъ дубъ, просилъ Кандидамантора тоже учинить, и началъ ему разсказывать свою исторію слѣдующимъ образомъ.

Вы удивляетесь моей веселости; но печаль не нужна. Я не имѣю причины, такъ какъ и другой кто нибудь, печалиться. Кромѣ потери ноги моей, и труда просить милостыни, я никогда не имѣлъ причины

жаловаться на мою судьбу. Я имѣю такого пріятеля, у котораго нѣтъ ни рукъ ни ногъ. Состояніе его весьма различно съ моимъ.

Не знаю, кому я обязанъ жизнію. Одна женщина нашла меня въ лѣсу Лакедемонской области, и воспитывала меня на заднемъ дворѣ сосѣдственнаго замка. Помню я, что часто не доставало мнѣ хлѣба; но для удовольствія своего всегда имѣлъ свободу играть.

Съ задняго двора взяли меня въ кухню. Невольники напоминали мнѣ о моей должности одними только пинками, или нѣсколькими пощечинами. Но мнѣ было что ѣсть, и сіе меня утѣшало.

Достигши порядочнаго возраста, определенъ я былъ работать въ полѣ. Я ложился спать очень поздно, а вставалъ весьма рано. Образъ таковой жизни мнѣ довольно нравился. Работа препятствовала мнѣ скучать, и я иногда напивался пьянъ въ праздничные дни.

Государство наше сдѣлалось театромъ войны. Деревенскихъ жителей принудили слѣдовать за войскомъ, и заставляли насъ высушать болота. Я часто бывалъ по горло въ водѣ. Въ одинъ день лошадь ударила меня ногою, и мнѣ дали рюмку крѣпкаго напитку, позволивъ препроводить ночь въ одной рытвинѣ. Помнится мнѣ, что я сдѣлалъ постель весьма покойную изъ мокрой соломы и

камня, служившаго мнѣ подушкой. Я никогда не отдыхалъ столь спокойно. Думаю, что сонъ бы мой и теперь еще продолжался, естьли бъ предводительствуемый нами трибунъ не прервалъ его нѣсколькими сильными палочными ударами: и я ему обязанъ благодарностію; ибо въ самое то время подавали прекрасную похлебку, которой бы я не удостоился и отвѣдать, естьли бъ онъ не имѣлъ снисхожденія такъ скоро меня разбудить.

Нѣсколько дней послѣ того спустя, мы были разбиты и взяты въ плѣнъ Аѳинянами. Насъ ограбили по правиламъ военнымъ. Снѣгъ начиналъ тогда покрывать землю; но я всегда довольно былъ счастливъ. Я

прогуливаясь съ однимъ изъ моихъ товарищей, нашелъ мертваго солдата, на которомъ было еще платье. Мы оное съ него сняли, и согласились его употреблять одинъ послѣ другаго. Въ этомъ состоитъ все утѣшенiе имѣть двумъ зимою одно платье.

Прибывши въ Аѳины определенъ я былъ на мельницу вертѣть жернова. Работа сiя не много тяжела, но къ ней привыкаютъ. Мы имѣли надзирательницею старуху, которая не скупа была на удары. По счастiю она не очень хорошо видѣла, и у нее можно было временемъ красть нѣсколько кусковъ ветчины, что въ тогдашнихъ обстоятельствахъ служи-

ло мнѣ великимъ удовольствїемъ.

Старуха умерла, и я о томъ весьма много сожалѣлъ; меня опредѣлили ломать камни, гдѣ я на другой же день переломилъ себѣ руку. Несчастїе часто бываетъ предвѣстникомъ и удовольствїя. Меня отвели въ больницу, и я немогъ тогда желать лучшаго. Насъ только трое было на одной постелѣ: я спалъ спокойно; хорошо былъ одѣтъ, и лекарь дѣлалъ мнѣ иногда честь со мною говорить. Мнѣ тамъ было очень понравилось; но меня оттуда выслали, какъ скоро я вылечился.

Съ того времени отправлялъ я различныя должности. Былъ работникъ, кровельщикъ,

матросъ, солдатъ. Иногда бывалъ битъ, обремененъ работою, умиралъ съ голоду и спалъ въ снѣгу; а иногда также хорошо кормленъ, изрядно одѣтъ, теплое имѣлъ жилище и сыпалъ спокойно; впрочемъ всегда веселъ и весьма доволенъ маленькимъ своимъ благополучїемъ. Странствуя долгое время, я возвратился паки въ любезное мое отечество; При вступленїи въ Лакедемонъ, толкнулъ я какъ то нѣкую важную особу, которая приказала меня отвести прямо въ тюрьму, которую мнѣ сперва весьма худо описывали. Есть люди, которые вездѣ темно видятъ. Я нашелъ ее весьма прекраснымъ мѣстомъ. Меня изобильно снабжали пищею и питьемъ, и я не имѣлъ ни

какого дѣла. Жизнь сїя была бы очень спокойна, естьли бъ только долгое время могла продолжаться; но меня освободили по прошествїи мѣсяца.

Я жилъ еще нѣсколько времени, не опредѣлившись ни въ какое состоянїе, иногда хорошо, иногда и худо. Наконецъ однимъ вечеромъ напали на меня четыре человѣка, и принудили вступить въ солдатскую должность для пользы республики. Мнѣ захотѣлось однажды прогуляться; я вышелъ изъ лагеря не замѣтя, что мнѣ сїе запрещено было. Лишь только я успѣлъ сдѣлать четыреста шаговъ, какъ и пойманъ былъ четырьмя кавалеристами, которые меня опять назадъ

привели. Черезъ часъ осудили меня разстрѣлять за то, что бѣжалъ. Сперва таковое опредѣленіе показалось мнѣ нѣсколько жестокимъ. Не любятъ не отнимать у другихъ жизни. Всѣмъ извѣстно, что оную имѣютъ; но не знаютъ совершенно того, что обрѣтутъ ли ее паки. Однакожъ я весело на то рѣшился. Вся забота моя состояла въ томъ, чтобъ узнать, буду ли я принятъ столь же милостиво въ Плутоновомъ царствѣ, какъ и на земли. Товарищи мои были уже готовы по мнѣ стрѣлять, какъ вдругъ объявили, что Генералъ меня прощаетъ; поелику онъ увѣдомленъ былъ, что я по неволѣ обязался служить республикѣ. Я то зналъ; но не думалъ о томъ говорить.

счастїями, воззрите на бѣдныхъ, и вы тогда найдете себя счастливыми.

ГЛАВА VI.

Почтовая коляска.

Безъ жены, безъ счастїя, а слѣдовательно и безъ друзей, Кандидаманторъ продолжалъ путь свой далѣе, и въ короткое время прибылъ на границы Персїи, гдѣ онъ сѣлъ въ почтовую коляску, которая ѣхала въ Вавилонъ.

Между разными людьми, находящимися въ оной коляскѣ, болѣе всѣхъ примѣчанїя достоинъ былъ одинъ малорослой человѣкъ, которой, казалось,

весьма боится задумчивости. По крайней мѣрѣ поспѣшность, съ каковою онъ прерывалъ другихъ разговоръ, и усилïе выдать себя за героя, такъ заставляли объ немъ думать. Круглой станъ, кривыя ноги и маленькïе глаза составляли сущность сего малорослаго болтуна; къ томужъ часто присовокуплялъ онъ громкой смѣхъ, которой всегда означаетъ подлость того, отъ кого онъ происходитъ. Дюранъ [это было имя сей особы] собралъ нѣкоторую сумму денегъ, при послѣдованïи за Персидской армïей въ должности Инспектора магазейновъ; онъ много смѣялся, говоря обинякàми о состоянïи маленькаго его благополучïя, полученнаго на щетъ тѣхъ,

При окончанїи кампанїи оторвало у меня ногу и четыре пальца: что по счастїю доставило мнѣ позволенїе просить милостыню, не опасаясь никакого безпокойства. Естьлибъ я былъ раненъ въ благополучное время республики; то и мѣлъ бы платье на щетъ казны. Есть люди, которые родятъ дѣтей избалованныхъ счастїемъ. Впрочемъ я здоровъ, и теперь пойду выпить за ваше здоровье.

Кандидамантор удивлялся твердости и спокойствїю его души. Долговременная привычка къ несчастїю больше его научаетъ переносить, нежели всѣ уроки Философїи.

Властители земные, которые скучаете своими не-

которые воспрепятствовали ему умереть отъ страха.

По правую сторону Инспектора сидѣлъ армейской трибунъ, по имени Спетохъ. — Къ превеличайшему своему росту сей человѣкъ присоединялъ загорѣлой цвѣтъ лица, суровой видъ, грозной взглядъ и величественную ухватку. Онъ больше не говорилъ ни о чемъ другомъ, какъ только о сраженїяхъ, ранахъ, красныхъ звѣряхъ и дикихъ уткахъ.

Подлѣ великана Спетоха едва примѣтенъ былъ Вавилонскїй судья, котораго, казалось, природа произвела на свѣтъ безъ всякаго порядка въ самой скорости. Сей безобразный выродокъ природы сидѣлъ прямо, сердился, что тѣснили такого

человѣка, какъ онъ, и всякую минуту показывалъ знаки своего достоинства.

Суннонъ, жрецъ Солнца, одинъ занималъ два мѣста. Свѣжїй цвѣтъ лица его, круглость его стана и ужасная величина его брюха показывали достойнаго служителя Боговъ. Сїя важная особа получала только триста золотыхъ Персидскихъ монетъ доходу; онъ ѣлъ умѣренно съ одною бѣдною дѣвицею, которую онъ принялъ къ себѣ сиротою еще осмнадцати лѣтъ. Лишь только солнце вступитъ въ средину своего теченїя, то онъ вставалъ съ постели; орошалъ грудь свою наилучшимъ какаомъ, на четверть часа ходилъ въ храмъ и возвращался обѣдать. Послѣ

обѣда не много спалъ; а повечеру съѣдалъ только нѣсколько сухихъ сливъ, и выпивалъ только два штофа сороковосмилѣтняго вина. Благоразумная его надзирательница спала въ ближайшей отъ него комнатѣ, и раздѣляющая ихъ дверь всегда была отворена, дабы прекрасная невольница удобнѣе могла подать помощь въ случаѣ болѣзни доброму своему Господину.

Разныя сіи особы не замедлили дать о себѣ знать. Кандидаманторъ былъ радъ, нашедъ случай узнать въ короткое время, какіе были законы, какое въ случаѣ нужды прибѣжище и образъ сраженія Персіянъ. Онъ тотчасъ вступилъ въ рѣчь съ Трибуномъ, и

хотѣлъ было разсуждать съ нимъ о нѣкоторыхъ воинскихъ перемѣнахъ, какъ Степохъ, кленяся именемъ Солнца, ему сказалъ, что онъ никогда ничего не училъ; а все, что я знаю, продолжалъ онъ, такъ это то, что мнѣ всегда исправно платятъ за то, чтобъ другихъ убивать, или самому быть убиту.

Кандидамантoръ улыбнулся, и обратясь къ надзирателю, спросилъ у него, что вѣрно ли наполняли Королевскiе магазейны. Не знаю, сказалъ Дюранъ, повѣренные меня въ томъ увѣряютъ; ибо они въ точности доставляютъ мнѣ мое жалованье, и я имъ вѣрю.

Служитель Солнца будучи вопрошенъ, по своей очереди,

чистосердечно признался, что онъ спокойнѣе для себя почиталъ платить кому нибудь за чтенїе книги Зороастра, нежели самому ее читать.

Судья разсердился на то, что осмѣлились вопросить такого человѣка, каковъ онъ. Развѣ вы меня принимаете за стряпчаго, говорилъ онъ, думая, что я учу законы. У меня есть Секретарь; а что до меня касается, то я только знаю то, что имѣю право носить платье пурпуроваго цвѣту.

Отвѣты сїи разсердили Аѳинянина. Вотъ, говорилъ онъ самъ съ собою, четыре человѣка, безполезные на земли. Какъ онъ разсуждалъ такимъ образомъ, то прибыли они на постоялой дворъ, въ которомъ

долженствовали проводить ночь. — Лишь только они вышли изъ коляски, то надзиратель побѣжалъ въ конюшню приказать вычистить лошадей; трибунъ разсматривалъ курицъ, которыя должно было изготовить къ ужину; маленькой судья такъ умѣлъ хорошо приказать ихъ сварить, что онѣ были прекрасны; а служитель солнца выбиралъ вино.

Кандидамантoръ, удивленный удовольствїемъ и проворствомъ, съ каковымъ каждой выполнялъ новую свою должность, познaлъ наконецъ, что онъ ошибся, почитая сихъ четырехъ человѣкъ ненужными на земли, и онъ разсуждалъ, что они бы были всѣ по своимъ мѣстамъ, когда бы сдѣлали

чистосердечно признался, что онъ спокойнѣе для себя почиталъ платить кому нибудь за чтенїе книги Зороастра, нежели самому ее читать.

Судья разсердился на то, что осмѣлились вопросить такого человѣка, каковъ онъ. Развѣ вы меня принимаете за стряпчаго, говорилъ онъ, думая, что я учу законы. У меня есть Секретарь; а что до меня касается, то я только знаю то, что имѣю право носить платье пурпуроваго цвѣту.

Отвѣты сїи разсердили Аѳинянина. Вотъ, говорилъ онъ самъ съ собою, четыре человѣка, безполезные на земли. Какъ онъ разсуждалъ такимъ образомъ, то прибыли они на постоялой дворъ, въ которомъ

долженствовали проводить ночь. — Лишь только они вышли изъ коляски, то надзиратель побѣжалъ въ конюшню приказать вычистить лошадей; трибунъ разсматривалъ курицъ, которыя должно было изготовить къ ужину; маленькой судья такъ умѣлъ хорошо приказать ихъ сварить, что онѣ были прекрасны; а служитель солнца выбиралъ вино.

Кандидаманторъ, удивленный удовольствїемъ и проворствомъ, съ каковымъ каждой выполнялъ новую свою должность, позналъ наконецъ, что онъ ошибся, почитая сихъ четырехъ человѣкъ ненужными на земли, и онъ разсуждалъ, что они бы были всѣ по своимъ мѣстамъ, когда бы сдѣлали

надзирателя конюхомъ, трибуна поваромъ, жреца ключникомъ, а судью лошкомоемъ.

Жаль, что мало людей достойныхъ сыщепіся на ихъ мѣста.

ГЛАВА VII

Ужинъ.

Лишь только солнце воспріяло свое теченіе, то Аѳинянинъ, и ему сопутствующіе товарищи, по прежнему помѣстились въ коляску. Они надѣялись вечеромъ пріѣхать въ Вавилонъ; но едва отъѣхали они мили съ двѣ, какъ напала на нихъ толпа разбойниковъ. Степохъ и Кандидамантoръ тотчасъ стали защищаться. Ин-

спекторъ спрятался подъ лошадей; судья угрожалъ разбойникамъ, которые его не слушали, а служитель Солнца протверживалъ еще въ первой разъ въ жизни призыванія Зороастра.

Побѣда однакожъ была не извѣстна. Кандидаманторъ и Стетохъ, прижавшись къ коляскѣ, не могли быть иначе атакованы, какъ только спереди. Многіе разбойники были побиты на мѣстѣ, и можетъ быть сраженіе окончилось бы въ пользу первыхъ, естьли бы страшный трибунъ послѣдовалъ столько же своему благоразумію, сколько былъ храбръ. Но разгнѣванный сопротивленіемъ, ожесточился до безумія, и съ бѣшенствомъ бросился въ среди-

ну разбойниковъ. Но вдругъ окруженный великимъ множествомъ падаетъ, будучи весь израненъ. Разбойники бросились тотчасъ на Кандидамантора. Онъ былъ раненъ, и безъ труда его обезоружили. Рана его спасла отъ рабства. Разбойники увѣрившись въ томъ, что онъ не можетъ быть имъ полезенъ, удовольствовались только тѣмъ, что его ограбили, а увезли съ собою однихъ только его товарищей.

Израненный и обнаженный Кандидаманторъ долго находился въ крайней нерѣшимости. Наконецъ онъ явился къ жрецу Юпитерову, исполняющему долгъ гостепріимства. Служитель принялъ его съ насмѣшкою, отказалъ ему въ са-

мой малѣйшей помощи, и безчестно приказалъ его выгнать. Аѳинянинъ готовъ былъ пасть подъ бремянемъ болѣзни, какъ вдругъ встрѣтился съ молодой Персїянкой, которой онъ вѣрилъ свои скорби. Она перевязала его рану, совѣтовала ему переодѣться дѣвицею и паки возвратиться къ жрецу. Кандидамантоpъ имѣя привлекательный видъ, воспользовался совѣтами Персїянки, и нарядившись въ ея платье, рѣшился на вторичное посѣщенїе. При воззрѣнїи на него, всѣ двери растворились, жрецъ самъ вышелъ его встрѣчать, принялъ съ учтивостїю и предлагалъ ему всякую помощь, въ чемъ только будетъ онъ имѣть нужду. Въ одну минуту выполнилъ онъ

то, чего Кандидамантор требовал, обѣщая основать жилище его въ мѣстахъ ему принадлежащихъ. Удовлетворенный Кандидамантор помышлялъ только о томъ, какъ бы удалиться. Онъ не имѣлъ ни оружїя, ни платья. Наконецъ нашелъ онъ одного Евреянина, которой продалъ ему весьма за дорогую цѣну то, въ чемъ онъ имѣлъ нужду, и которой благодарилъ небо, что могъ обмануть идолопоклонника.

Нѣкогда Кандидаманторъ странствуя въ лѣсу безъ всякаго намѣренїя, услышалъ голосъ его призывающїй. Оглянувшись назадъ познаетъ Евгенїю; мгновенно бросается къ ея ногамъ; но она поднимаетъ его съ нѣжностїю и отводитъ въ

шалашЪ, сплетенный посреди лѣса. ШалашЪ сей былЪ жилищемЪ Сильванира. Сей философЪ сЪ своею дочерью удалился вЪ оной, оставивши Аѳины. ОнЪ сдѣлалЪ обѣщанїе на вѣки отрещись отЪ сообщества сЪ людьми. КандидамантторЪ разсказалЪ Евгенїи свои несчастїя, которая, казалось, величайшее ощущала удовольствїе, что его нашла, какЪ вдругЪ увидѣлЪ онЪ, что входитЪ кЪ нимЪ человѣкЪ, покрытый звѣриною кожею и преслѣдуемый чрезвычайной величины медвѣдемЪ. Евгенїя закричала, а КандидамантторЪ хотѣлЪ было защищаться. Но СильванирЪ (ибо это онЪ былЪ самЪ) увѣрилЪ дочь свою, что ей нечего было опасаться, и что медвѣдь сей

былъ наилучшїй изъ его друзей. Тотчасъ приказалъ онъ подать ужинъ; сѣвши за столъ, посадилъ медвѣдя подлѣ себя, подавалъ ему лучшїе куски; а по окончанїи ужина проводилъ, называя его любезнымъ своимъ другомъ.

Странность походитъ иногда на дурачество.

ГЛАВА VIII.

Дикїе.

Кандидамантор не зналъ, какъ изъяснить свое удивленїе. Сильванирь поздравивъ его съ изгнанїемъ, говорилъ ему слѣдующимъ образомъ: „ Вы безъ сомнѣнїя удивляетесь тому го-„стю, съ которымъ мы ужи-

„нали; но я не умѣю краснѣть „за своихъ пріятелей. Я со„жалѣю объ васъ, ежели вы „любите сословіе ученыхъ лю„дей, то вы имѣете поврежден„ное сердце. Мы бы были ве„сьма благополучны, ежели бы „только ограничены были при„родною склонностію. Разумъ „есть ядъ, изтребляющій че„ловѣчество. Я завидую бла„гополучію тѣхъ людей, ко„торые, не имѣютъ ни законовъ, „ни городовъ, ни наукъ, ни „одеждъ. Для чего я не нахо„жусь по среди ихъ! Со мною „встрѣтилось нѣсколько тако„выхъ въ семъ лѣсу, но они „почитаютъ меня за человѣка „учтиваго, отъ меня бѣгаютъ, „и они въ томъ справедливы. „Сей медвѣдь былъ менѣе дру-

„гихъ свирѣпъ, потому что онъ „менѣе видитъ моихъ пороковъ, „Онъ часто видится со мною, „и пришелъ ко мнѣ ужинать „безъ всякой церемонiи. Для „чего же мнѣ его презирать? „Ежели животныя не столько „трудолюбивы, какъ люди: то „только разность ихъ органовъ „въ томъ имъ препятствуетъ.

Кандидаманторъ скоро привыкъ къ образу Сильвانировыхъ мыслей. Въ самой странности находятся нѣкоторыя прельщающiя красоты. Сколь лестно быть отъ другихъ отличену и отдалену отъ сообщества людей. Присутствiе Евгенiи не мало вспомоществовало къ удостовѣренiю въ томъ молодаго новопрiимца. Взоръ прекрасной женщины есть восхитительнѣй-

шее зрѣлище природы. Кажется, что она сотворена единственно только для утѣшенія въ несчастіяхъ человѣчества. Кандидамантор пріобрѣлъ дружбу Сильванира перемѣнивъ шелковое платье на кожаное. Онъ просилъ у него Евгеніиной руки; но философъ отвѣчалъ, что она зависитъ сама отъ себя. Молодая дикая покраснѣла, и бракъ торжествованъ былъ среди лѣса, безъ священника, безъ свидѣтелей и безъ всякихъ другихъ обрядовъ; но все состояло только въ одномъ поцѣлуѣ, которой Кандидаманторъ сдѣлалъ Евгеніи, и которой она приняла, пожавъ у него руку.

Молодой супругъ не терпѣливо ждалъ той минуты, въ которую онъ долженствовалъ

взойти на верхъ своего благополучія, какъ оба мудреца примѣтили толпу дикихъ. Они восхищались отъ удовольствія, увидѣвъ людей, которые не имѣли ни городовъ, ни законовъ. Дикіе возмутили тотъ источникъ, изъ котораго Сильваниръ почерпалъ воду, повредили запасъ и разорили его шалашъ. Сильваниръ хотѣлъ жаловаться; но они бросились на него и на Евгенію. Кандидаманторъ держалъ тогда нечаянно свою шпагу; онъ двухъ убилъ изъ похитителей, что видя другіе подняли крикъ, и ушли уведя съ собою Евгенію и ея отца. Кандидаманторъ имъ преслѣдовалъ, но не могъ ихъ догнать; двадцать разъ намѣревался заколоть себя шпагою; но надеж-

да паки сыскать свою любезную Евгенїю заставляла его еще влачить бѣдственную свою жизнь. Въ одну ночь, какъ онъ утомившись отъ долговременнаго бѣганья, упалъ въ тенета, разставленные для дикихъ звѣрей, онъ не благоволилъ себя оттуда извлечь, и такъ заснулъ.

На другой день охотники думали, что то былъ какой нибудь чрезвычайной звѣрь, привели его съ торжественными знаками къ своему господину.

Сей господинъ назывался Абарисъ посланникъ Гиперборейнцовъ. Онъ былъ искусенъ въ таинственныхъ наукахъ, и странствовалъ не столько по должности, сколько по собственному желанїю болѣе узна-

вать людей. Онъ тогда ѣхалъ въ Вавилонъ изъ Аѳинъ, гдѣ часто видалъ Кандидамантора. Онъ его узналъ, не смотря на странность его одежды, и обнялъ его къ великому удивленію Посольши, которая сперва весьма испугалась.

Кандидаманторъ повѣдалъ ему всѣ свои несчастія. Абарисъ ему сказалъ, что весьма естественно, дабы распутная женщина обманула своего любовника, котораго любила только за деньги, чтобъ жрецы велѣли высѣчь ревниваго мужа, и чтобъ дикіе похитили молодую дѣвицу, хотя они не умѣли ни читать ни писать. Онъ приказалъ снабдить его всѣмъ тѣмъ, въ чемъ онъ имѣлъ

нужду, и обходился съ нимъ, какъ съ своимъ пріятелемъ.

Посольша болѣе уже не боялась Кандидамантора, когда онъ былъ одѣтъ въ богатое платье; и такъ какъ онъ еще былъ привлекательнаго вида, то онъ ей показался весьма разумнымъ. Они всѣ вмѣстѣ поѣхали въ Вавилонъ, куда и прибыли въ короткое время. Кандидамантору становилось уже скучнымъ пребываніе въ городѣ. Посланница начинала вѣрить, что можно и въ лѣсу вести жизнь весьма пріятную; а Абарисъ говорилъ своему пріятелю, что рабъ страстей своихъ бываетъ часто жертвою оныхъ.

ГЛАВА IX.

Дѣти.

Хозяйка дома, которой занималъ посланникъ Абарисъ, имѣла у себя довольное число прекрасныхъ дѣтей. Всякой съудовольствїемъ на нихъ смотрѣлъ, а наипаче Абарисъ; Для мудреца все служитъ предметомъ къ разсужденїю. Разсматривая ихъ, разсуждалъ онъ такимъ образомъ я преплылъ моря, прошелъ множество государствъ, а для чего? Для того только, чтобъ видѣть дѣтей. Слава, чести, похвала, чины, достоинства, великїя предпрїятїя, что вы суть? —. Игры. Кто тѣ, которые только для васъ существуютъ? —. Дѣти.

Тогда одинъ молодой Сарматъ съ горячностію прервалъ таковое Абарисово разсужденіе. Государь мой, сказалъ онъ, есть люди, съ коими надлежитъ говорить съ большимъ почтеніемъ: знайте, что я Посолъ. Тѣмъ лучше, подхватилъ Гипербореянецъ, и я также. Мы займемся пусканіемъ изъ мыла пузырей. Дитя надуваетъ соломенную трубку, на концѣ которой виситъ маленькой пузырикъ; онъ увеличивается, летитъ, удовольствованный дитя хочетъ его поймать, но у него въ рукахъ остается только капля воды. Вотъ судьба всѣхъ человѣческихъ намѣреній.

Онъ смотрѣлъ въ самое сто время на маленькую дѣвочку, которая играла своею куклою.

Онъ ее призвавъ къ себѣ спросилъ, не хочетъ ли чего нибудь ея кукла. Конечно, отвѣчала маленькая дѣвочка, она хочетъ пирога и финиковъ. Давши ей оныя, посмотрите, сказалъ онъ Сармату: кукла имѣетъ надобность а дитя ѣстъ. Сколь много людей, которые ни что иное суть, какъ куклы своихъ невольниковъ, которые ихъ заставляютъ говорить.

Сїи почести, сїи названїя, коими мы столь много тщеславимся, отъ кого зависятъ? Отъ своенравїя другаго. — Дѣти играютъ куклами, каждая изъ нихъ имѣетъ свой чинъ, свое достоинство. Вдругъ надзирательница приходитъ; она посылаетъ ихъ спать.

Какъ, прервалъ тогда молодой воинъ, вы можете меня увѣрить, что человѣкъ, которой искалъ только славы? . . . . В ту же самую минуту вбѣжалъ къ нимъ мальчикъ верхомъ на палочкѣ. Онъ самъ себѣ удивлялся, и хотѣлъ, чтобъ и каждой ему дивился. Абарисъ съ удовольствіемъ улыбнулся, и посмотрѣлъ на воина.

Я не согласенъ, отвѣчалъ сей, и никогда не повѣрю, чтобъ Государь, коего наималѣйшія желанія почитаются . . . . Потише, прервалъ Посланникъ, разсмотримъ сего дитя, которой играетъ съ маленькой собачкой. Животное сіе стоитъ прямо, кланяется, пляшетъ до тѣхъ поръ, пока ея хозяинъ имѣетъ глаза устремленные на нее. Ди-

тя отворачивается, собака уходитъ, и бѣжитъ на дворъ забыть своего хозяина и свои уроки. Властители земные; вы умираете, и ласкательство оканчивается.

Люди строятъ пирамиды, чудные воздвизаютъ памятники для прославленія своего имени; но непріятель оные разоряетъ. Дѣти дѣлаютъ изъ картъ замки, дверь въ покояхъ отворяется и вѣтръ ихъ опрокидываетъ.

. . . . .

Во время ихъ разговора двое изъ дѣтей играли булавками: вбѣжавшій вдругъ третій мальчикъ схватилъ булавки и ушелъ. Вотъ, сказалъ Абарисъ, изображеніе всѣхъ воинственныхъ браней.

Я согласенъ, сказалъ воинъ, что часто два государя, взаимно разоряя другъ друга, бываютъ побѣждены третьимъ. Но по крайней мѣрѣ третій не долженъ ли почесться великимъ человѣкомъ? Докажете ли вы, чтобъ Киръ? . . . . Это былъ только дитя, отвѣчалъ Абарисъ, которой бѣгая по саду, бьетъ въ барабанъ. Чтожъ ему остается? Мысль о звукѣ и страхъ быть наказану своею надзирательницею. Киръ нашелъ оную въ Томирисѣ. (*)

(*) Томириса была Скиѳская, Царица, которая употребивъ извѣстную въ исторіи хитрость, напала на Кирово войско, разбила его; и самаго Кира, отрубивъ голову, приказала положить въ мѣ-

Посольша, которой гордость не могла вытерпѣть таковыхъ сравненій, прервала ихъ рѣчь тронутымъ голосомъ: Государь мой! сказала она своему мужу, вы худо разсуждаете о всѣхъ человѣческихъ страстяхъ; есть изъ нихъ такія, которыя можно оправдать. Думаете ли вы, чтобъ любовь женщинъ, коимъ самые славнѣйшіе Ирои всѣмъ пожертвовали? . . . . Конечно, сказалъ Посланникъ улыбнувшись, и дѣти дерутся иногда за кусокъ сладкаго конфекта.

Мы всякой день занимаемся важными дѣлами, такъ какъ

шокъ, наполненный кровію, съ сею надписью: *Напейся той крови, которой ты жаждалъ.* Примѣч. переводившаго.

дѣти своими куклами. Лѣта объявляютъ имъ, что ихъ игры не заслуживаютъ уже болѣе ихъ вниманія. Равнымъ образомъ смерть напоминаетъ людямъ о суетности ихъ желаній. Сіи почести, сіи достоинства, коихъ съ такимъ усиліемъ добиваются, должно презирать; оставлять ихъ безъ огорченія, и тотъ, которой объ оныхъ печалится, уподобляется плачущему дитяти о потерѣ разбитаго имъ стакана.

ГЛАВА X.

Дрова.

Дружба Абарисова скоро удостовѣрила Кандидамантора, что единое сообщество ученыхъ людей заслуживаетъ и-

стинное почтенїе. Аѳинянин не скорбѣл болѣе о том, что находился в большом городѣ, и любопытством посмотрѣть Вавилон.

Храм солнца паче всего привлек его вниманїе. Верховный жрец нашел тайну соорудить оной на щет Вавилонян, увѣрив их, что они обогатятся, ежели будут покупать маленькїя лоскуточки бумаги, на которых он начертил Арабскїя буквы. Легковѣрные Персїяне, наклонные ко всякому ослѣпленїю, с поспѣшностїю принесли свое золото, и храм возвысился; а послѣ онаго и другое великолѣпное зданїе, для пребыванїя, как и довлѣет, изобрѣтате-

лю маленькихъ лоскутковъ бумаги.

Кандидаманторъ лишь только было хотѣлъ войти въ храмъ, какъ вдругъ удержанъ сталъ толпою народа, бросавшагося къ дверямъ онаго. Двумъ человѣкамъ, вооруженнымъ длинными копьями препоручено было ее защищать, и пропускать только тѣхъ особъ, которыя имъ приносили дрова. Сїе показалось страннымъ Кандидамантору. Онъ не могъ понять, для чего таковое отличїе. Ему казалось, что какъ солнце равномѣрно освѣщаетъ всѣхъ людей; то они должны всѣ имѣть одинаковое право въ его жилищѣ. Сїе разсужденїе усугубило его любопытство, и онъ какъ можно старался протѣсниться. Какъ наруж-

ность его показывала отличнаго человѣка, то двое дверехранителей отдалили чернь, чтобъ дать ему свободной проходъ, и какъ онъ пришелъ къ дверямъ, то и спросили, есть ли у него полѣно.

Кендидаманторъ искренно признался, что онъ не понимаетъ, для чего ему сдѣлали такой вопросъ. Стражи, которые не намѣрены были болѣе уважать такого человѣка, которой не принесъ полѣна, почли его за нещастнаго осужденнаго быть сожжену солнечнымъ огнемъ; и вмѣсто того, чтобъ быть ему онымъ согрѣту, приготовились его оттолкнуть, и показали ему уже концы своихъ копьевъ, какъ вдругъ прибылъ одинъ изъ жрецовъ. Служитель

солнца разсердился, что отличной человѣкъ находился въ опасности, и думалъ, что онъ тѣмъ весьма много прославится, когда выведетъ его на истинный путь. Въ семъ намѣреніи предложилъ онъ ему удалиться на минуту, и обѣщался ему изъяснить тотъ вопросъ, которой ему былъ сдѣланъ. Когда они пришли на берегъ рѣки, орошающей сады верховнаго жреца, то молодой жрецъ сталъ говорить слѣдующимъ образомъ: съ недавнаго еще только времени начали содержать безпрестанной огонь въ храмѣ Солнца. Я васъ увѣряю, какъ уже всѣ примѣтили, что Богъ сей взираетъ теперь наиблагосклоннѣйшимъ окомъ на свой народъ: мы обязаны па-

ковымъ изящнымъ установленіемъ Верховному Жрецу, которой предложилъ его нѣкогда въ общемъ собраніи всѣхъ служителей Солнца, такъ какъ вѣрный способъ къ познанію истинныхъ обожателей онаго. Правда, мы имѣемъ нѣкоторыхъ женщинъ, неповинующихся намъ, которыя тайно совершаютъ запрещенныя Лунѣ богослуженія Истолкователи законовъ возстаютъ такъ же противъ насъ, говоря, что новости весьма опасны; но Верховный Жрецъ не намѣренъ имъ уступить.

Онъ твердо увѣренъ въ томъ, что непріятели жрецовъ не должны никогда имѣть никакого надъ ними права. Не взирая на жалобы и угрозы онъ учредилъ продавщицу дровъ

на паперти храма, предалъ народу прекрасное наставленіе для доказательства, что дрова, которыя будутъ у ней покупать, послужатъ наиприятнѣйшею жертвою для Солнца. Я не буду исчислять вамъ всѣхъ выгодъ, доставляемыхъ государству пламенемъ, безпрестанно подымающимся выше сводовъ храма. Довольно того, что жрецы почли сіе необходимо нужнымъ. Вы ясно видите, что сему иначе быть не можно, и вы довольно разсудительны, чтобъ совершенно увѣриться въ томъ, что Верховный Жрецъ, которой посреди ночи созерцаетъ Солнце лицемъ къ лицу, не можетъ никогда быть въ заблужденіи. И такъ повѣрьте мнѣ, ежели

вы желаете при концѣ вѣковъ, при выходѣ изъ Адемаровой долины, пользоваться сокровищами, предоставленными дѣтямъ Солнца, согласитеся на мои доказательства; подите скорѣе купить полѣно, и явитесь во храмъ достойнымъ рабомъ свѣтила, и почтеннѣйшаго его священнослужителя.

Кандидаманторъ улыбнулся словамъ молодаго жреца, и обѣщался возпользоваться его совѣтами. Оставшись одинъ онъ не долго разсуждалъ. Обычай сей, говорилъ онъ самъ себѣ, кажется мнѣ такою бездѣлицею, которая не заслуживаетъ всеобщаго посмѣянія; но для меня все равно, отнести полѣно, или нѣтъ. Послѣдуемъ обычаю тѣхъ, съ которыми я теперь нахожусь.

Завтра, естьли мнѣ случится быть вмѣстѣ съ противной имъ стороной; то я надъ первой буду смѣяться; а когда я останусь одинъ; то буду надъ обѣими смѣяться. Разсудивши такимъ образомъ, купилъ онъ цѣлую связку полѣньевъ, кои велѣлъ раздать всѣмъ окружающимъ его; посреди которыхъ и вошелъ въ храмъ, показывая всѣмъ свой пашпортъ. Онъ очень хорошо былъ принятъ, и всякой кричалъ: чудо!

Разумный человѣкъ слѣдуетъ обычаю, не одобряя онаго.

ГЛАВА XI.

Ширмы.

Ето было въ самой тотъ часъ, когда Солнце находилось въ срединѣ своего теченія.

Храмъ наполненъ былъ наиблистающимъ юношествомъ. Казалось, что люди собирались туда единственно только для показанія богатства ихъ одеждъ. Женщины, одѣтыя гораздо скромнѣе мущинъ; но убранныя съ искуствомъ, казалися совершенно погруженными въ разсужденія. Однакожъ видно было, что онѣ нагибали голову единственно для того, чтобъ свободнѣе могли, не бывъ въ томъ примѣчены, управлять своими глазами, которые опуская въ низъ, чувствительно выражали то, сколь онѣ были принужденны. Паче всего примѣтно было во всѣхъ то удовольствіе, которое онѣ чувствовали, при воззрѣніи на тѣхъ особъ, коихъ наружность озна-

чала вкусЪ и пышность Каждой сидѣлЪ, и молодые люди такЪ вольно между собою разговаривали, что КандидаманторЪ долго сомнѣвался, точно ли онЪ былЪ вЪ храмѣ.

ВдругЪ послѣдовало глубокое молчанїе во всемЪ собранїи, какЪ скоро увидѣли молодаго жреца, подающаго знакЪ, что онЪ хочетЪ говорить. ОнЪ почитался за разумнаго человѣка; всѣ, казалось, желали слушать его со вниманїемЪ.

ОнЪ долго говорилЪ о величїи Солнца. Сїя важная матерїя представлялась вЪ устахЪ его прекрасною картиною, на которую сЪ прїятностїю можно было взирать. Казалось, что самыя грацїи его окружали, и что онѣ сами старались устрои-

цывать изрѣченія его наставленій. Сіе солнце, казалось бы, должно быть изображено не иначе, какъ только съ огнеными лучами; но они умѣли представлять его въ образѣ нѣжнаго зефира, которой возвѣваетъ вокругъ цвѣтовъ увеселительнаго цвѣтника, и которой сообщаетъ имъ пріятную теплоту.

Кандидаманторъ не очень былъ тронутъ столь маложалостною рѣчью; даже сказалъ другимъ о томъ свое мнѣніе. Но его увѣрили, что сей прекрасной жрецъ былъ у нихъ въ великой модѣ, такъ что бѣгали толпами туда, гдѣ онъ желалъ имѣть снисхожденіе говорить, и что тамъ весьма дорого платили за мѣста. Аѳинянинъ по

челъ сïе доказательствомъ неоспоримымъ, и замолчалъ.

Лишь только служитель Солнца удалился, какъ шумъ паки начался. Молодые люди назначали сходбища для объѣзживанïя новыхъ колесницъ. Нѣкоторыя женщины обѣщались быть въ театрѣ; а другïя увѣряли тихимъ голосомъ молодыхъ сатраповъ, что онѣ вечеромъ однѣ будутъ дома; хотя казалось Кандидамантору, что всѣ вообще были весьма тронуты увѣщанïями жреца, и что не прошло еще одной минуты, какъ онѣ кончились.

При выходѣ изъ храма, Аѳинянинъ, любопытствуя узнать верховнаго жреца, велѣлъ о себѣ ему доложить.

Его приняли такъ какъ чужестранца; видъ первосвященниковъ его поразилъ. Ростомъ онъ былъ весьма малъ; но дородность вознаградила то, чего не доставало ему въ разсужденіи вышины; голосъ его былъ пріятенъ и пріемъ ласковъ; однакожъ примѣтенъ былъ тотъ видъ удовольствія, съ каковымъ, казалось, говорилъ онъ всѣмъ къ нему подходящимъ; вы весьма тому ради, что удостоились собесѣдованія съ такимъ человѣкомъ, каковъ я, которой есмь истинный другъ Солнца, товарищъ Скорпіоновъ, правой рогъ Овна, хвостъ Рака и старшій сынъ Козерога. Чины и достоинства, обыкновенно приписываемыя Верховному Жрецу которыя всегда онъ ставилъ

въ заглавіи тѣхъ наставленій, кои онъ обнародовалъ.

Кандидамантоpъ просилъ его безъ всякаго предисловія изъяснить ему причину, для которой въ храмѣ содержали безпрестанный огонь. Первое движеніе Скорпіонова товарища было разсердиться, что осмѣлились его вопрошать. Второе было повиноваться своему самолюбію и хвастаться своимъ знаніемъ. Онъ увѣрилъ чужестранца, что сей обычай весьма полезенъ; а чтобъ яснѣе доказать, то онъ ссылался на знаки Зодіака, на измѣненіе Луны и на теченіе кометъ. Онъ начиналъ заблуждаться въ небесахъ, какъ вдругъ ширмы, поставленныя посреди комнаты, упали и открыли въ пріят-

ной оде ждѣ продавщицу дровъ, которая, казалось, обходилась безъ чиновъ въ домѣ ракова хвоста.

Кандидаманторъ нашелъ видъ ея привлекательнѣе всѣхъ кометъ, находящихся въ мірѣ, и не могъ удержаться, чтобъ не сказать къ старшему сыну Козерога, что онъ весьма благоразуменъ; ибо умѣлъ заставить платить за свои удовольствія общество, принуждая его обогащать того, кто былъ онаго предметомъ.

Сколь много такихъ вещей, коихъ только одно имя въ почтеніи.

ГЛАВА XII.

Посольство.

Съ мѣсяцъ уже прошло тому времени, какъ Абарисъ пребывалъ въ Персіи. Онъ получилъ приказаніе явиться ко двору и вступить въ Вавилонъ по обыкновенію давно тамъ соблюдаемому. Прежде допущенія на ауединенцію къ Королю, посланники обязаны объѣхать вокругъ города въ колесницахъ прекрасными уборами украшенныхъ, и провождаемы невольниками богатѣе одѣтыми, нежели сатрапы. Обычай сей установленъ былъ только для удовольствія Вавилонскаго народа, которой весьма страстенъ къ великолѣпнымъ зрѣлищамъ. Двое сатраповъ были

посланы отъ Короля съ поздравленіемъ къ Посланнику. Они поклоняся ему, много разъ кашляли. Абарисъ удивился, что послали къ нему сатраповъ, одержимыхъ насморкомъ; однакожъ онъ ничего не сказавъ, ихъ отпустилъ. Какъ онъ былъ не великій охотникъ прогуливаться, то отослалъ однѣ только свои колесницы и невольниковъ для удовлетворенія зрѣнію Вавилонянъ; а самъ явился ко двору самымъ кратчайшимъ путемъ. По прибытіи своемъ, онъ услышалъ кашляющихъ со всѣхъ сторонъ, и подумалъ, что весь дворъ зараженъ былъ сею болѣзнію. По томъ представленъ былъ Королю, которой смотря на него также кашлялъ. Тотчасъ всѣ сатрапы

начали кашлять. Абарисъ понялъ тогда, что Персидскїе законы принуждали сатраповъ имѣть точно въ тоже время насморкъ, когда и его Величество.

Посланникъ очень хорошо зналъ Персидской языкъ, но обычай принуждалъ говорить рѣчь на природномъ языкѣ, коего никто не зналъ; а какъ онъ не имѣлъ готовой на сей случай, то проговорилъ вмѣсто рѣчи нѣсколько стиховъ. Нашли, что онъ весьма чисто говорилъ на своемъ языкѣ, и что очень хорошо разсуждалъ о препорученномъ ему дѣлѣ.

Абарисъ прїѣхалъ отъ имени своего Государя заключать бракъ съ Персидскою Принцессою. Король Гипербореянской

былъ не ревнивъ. Наизнатнѣйшїе чины государства собралися быть тому свидѣтелями. Принцесса, съ искуствомъ убранная, помѣщена была на постелѣ; посланникъ имѣлъ одну ногу обнаженную, а другую обутую. Онъ положилъ первую на постель. Въ то время Принцесса заблуждалась въ царствѣ воображенїя. Первостатейные сатрапы, Верховный Жрецъ и украшенные сѣдинами истолкователи закона, стояли около постели съ почтеннѣйшимъ безмолвїемъ, держа каждой въ рукахъ факелъ; должность приличная важности особъ: что бываетъ въ модѣ у знатныхъ людей, то скоро становится въ модѣ и у простаго народа. Таковое обыкновенїе въ вели-

комъ употребленiи въ Вавилонѣ: однакожъ съ нѣкоторымъ ограниченiемъ. Съ того времени сколько браковъ еще не совершенныхъ! Сколько дѣвицъ, выданныхъ за мужъ по одной только довѣренности!

Для совершеннаго благополучiя бракосочетающихся, Верховный Жрецъ совѣтовалъ учинить жертвоприношенiе Солнцу и сжечь нѣкоторыхъ безбожниковъ. Онъ увѣрилъ ихъ, что Богъ сей того требовалъ. Дворъ также былъ увѣренъ, что Принцесса не могла вытти за мужъ, не исполнивъ того, чего требовало Солнце, и рѣшился на жертвоприношенiе. Многiя женщины съ нѣкотораго времени удалились въ одинъ великолѣпный домъ для обожанiя но-

воявленной кометы. Присутственное мѣсто опредѣлило сжечь женщинъ, домъ разорить, а камни побросать въ море. Кандидаманторъ спросилъ: не уже ли и камни также обожали комету?

Верховный Жрецъ, который не любилъ шутить, и которой тотчасъ вспомнилъ при томъ исторїю о ширмахъ, сказалъ Королю, что совѣсть его обязываетъ обвинить его какъ преступника противу вышняго начальства сего иностранца, которой осмѣливается имѣть болѣе разума, нежели жрецы и вышнїй судъ. Король, которой всегда справедливо разсуждалъ, согласился въ преступленїи, и хотѣлъ было отдать нѣкоторыя повелѣнїя въ разсужденїи прїя-

теля посланникова, какъ вдругъ чрезвычайно началъ кашлять; тотчасъ Верховный Жрецъ и сатрапы ему въ томъ последовали. Король кашлялъ целые два часа, такъ что не можно было слышать, что одинъ другому говорилъ. Кашаль былъ столь жестокъ, что задушилъ Короля. Какъ скоро онъ умеръ, то перестали кашлять, и молчанїе царствовало въ палатахъ.

Новой король не кашлялъ, а хромалъ. Сатрапы подходили, прихрамывая, приносить поздравленїе съ возшествїемъ его на престолъ. Король идучи оступился и упалъ; тотчасъ каждой сатрапъ палъ ничь на землю. О Юпитеръ! сказалъ Абарисъ, сїи придворные суть

великїе подражатели. Великое благополучїе для ихъ головъ, что Король не сломилъ своей.

ГЛАВА XIII.

Сновидѣнїя.

Хромой Король былъ еще молодъ и любилъ забавляться на щетъ другихъ. Онъ слышалъ, что Абарисъ имѣлъ искуство узнавать, что спящїй человѣкъ во снѣ видитъ. Онъ желалъ видѣть сїе на самомъ опытѣ. Приказалъ, чтобъ тѣ, которые жили въ его палатахъ, оставляли растворенными двери во время ночи. Въ первой день удивилися таковому приказанїю, на другой привыкли, а на третїй болѣе и недумали.

Въ одну ночь Король и Абарисъ пошли по комнатамъ, и во всякой Абарисъ узнавалъ сны спящихъ людей.

Сей человѣкъ, сказалъ Абарисъ, престарѣлой придворной въ девяносто лѣтъ. У него едва осталось столько силы, чтобъ произвесть послѣдній вздохъ. Онъ видитъ во снѣ, что онъ пожалованъ первымъ министромъ, директоромъ государственныхъ доходовъ и армейскимъ Генераломъ.

Сей, коего сонъ столь много безпокоитъ, есть лекарь, находящійся теперь въ великомъ затрудненіи. Онъ видитъ во снѣ, что будто все больные, которыхъ онъ уморилъ, возвратилися на землю, и что каждой изъ нихъ принуждаетъ

великїе подражатели. Великое благополучїе для ихъ головъ, что Король не сломилъ своей.

ГЛАВА XIII.

Сновидѣнїя.

Хромой Король былъ еще молодъ и любилъ забавляться на щетъ другихъ. Онъ слышалъ, что Абарисъ имѣлъ искуство узнавать, что спящїй человѣкъ во снѣ видитъ. Онъ желалъ видѣть сїе на самомъ опытѣ. Приказалъ, чтобъ тѣ, которые жили въ его палатахъ, оставляли растворенными двери во время ночи. Въ первой день удивилися таковому приказанїю, на другой привыкли, а на третїй болѣе и недумали.

Въ одну ночь Король и Абарисъ пошли по комнатамъ, и во всякой Абарисъ узнавалъ сны спящихъ людей.

Сей человѣкъ, сказалъ Абарисъ, престарѣлой придворной въ девяносто лѣтъ. У него едва осталось столько силы, чтобъ произвесть послѣдній вздохъ. Онъ видитъ во снѣ, что онъ пожалованъ первымъ министромъ, директоромъ государственныхъ доходовъ и армейскимъ Генераломъ.

Сей, коего сонъ столь много безпокоитъ, есть лекарь, находящійся теперь въ великомъ затрудненіи. Онъ видитъ во снѣ, что будто все больные, которыхъ онъ уморилъ, возвратилися на землю, и что каждой изъ нихъ принуждаетъ

его принять то лекарство, которое онъ имъ давалъ.

Сей молодой человѣкъ есть таможенной прикащикъ безъ имѣнія, которой имѣетъ великія расположенія къ собранію онаго; много жару, да мало труда. Онъ видитъ во снѣ, что онъ издалъ прожектъ о новой таксѣ, и что ему препоручено оную возвысить.

Сей старикъ есть челобитчикъ, которой имѣетъ тяжбу за землю, имѣя замокъ, виноградники, лѣсъ и луга. Онъ видитъ во снѣ, что Судья беретъ замокъ, стряпчей виноградники, Прокуроръ лѣса, подьячіе луга, и что просили еще у него для Секретаря.

Сія старуха есть знатная женщина, которая видитъ во

снѣ, что она краснѣетъ отъ объявленія любви.

Сей молодой министръ, на лицѣ коего и во снѣ изображено великое удовольствіе, есть племянникъ Верховнаго Жреца. Онъ назначенъ наслѣдоватъ его достоинство; онъ видитъ во снѣ, что дядюшка его уже при смерти.

Сей несчастной, которой кажется въ жестокомъ волненіи духа, есть невольникъ, которой видитъ во снѣ, что его бросаютъ въ море, для того что дѣти его господина очень на него походятъ.

Сія молодая женщина весьма разумна, и собою довольно хороша. Она видитъ во снѣ, что первой изъ ученыхъ всего государства въ нее влюбленъ

что онъ на ея имя издалъ книгу, и она теперь получаетъ отъ всѣхъ поздравленія.

Сей человѣкъ есть старикъ весьма желающій имѣть дѣтей. Онъ оставилъ свою жену у одного изъ своихъ пріятелей, и видитъ теперь во снѣ, что онъ сдѣлался отцемъ.

Сей сатрапъ, лежащій съ своею любовницею, весьма красивъ, въ чемъ онъ увѣренъ. Ему снится теперь, что онъ въ Арміи, и что его возлюбленная въ слезахъ. Любовница же видитъ въ самое то время, что она веселится съ горбатымъ своимъ служителемъ.

Сей молодой человѣкъ есть дворянинъ безъ имѣнія, которой хочетъ составить свое счастіе, чего бъ то ни стоило, и ко-

торой твердо выучилъ Греческую миθологїю. Онъ видитъ во снѣ, что у ногъ его крылья Меркурїевы.

Сей комедїантъ видитъ во снѣ, что онъ любимъ Принцессою; а жена его видитъ, что она выходитъ за мужъ за сатрапа.

Сей человѣкъ есть придворной трактирщикъ. Онъ видитъ во снѣ, что онъ обманулъ одного иностранца. Жена его видитъ, что она еще молода, служитъ въ комнатахъ, получаетъ деньги и поцѣлуи. Дочь ихъ видитъ во снѣ, что она увезена однимъ офицеромъ; служанкѣ грезится, что сей офицеръ даетъ ей денегъ, которыя она раздѣляетъ съ конюхомъ, которой также бре-

дитъ, что онъ въ покояхъ одной знатной госпожи, которая на него сего дни пристально смотрѣла.

День прекратилъ Абарисовы замѣчанія. Удовлетворенный Король первый согласился, что удовольствіе ни что иное есть, какъ сонъ.

ГЛАВА XIV.

Королева Амазонская.

Абарисъ пробывъ еще нѣсколько времени въ Персіи, расположился осмотрѣть другія еще страны. Дружество, соединяющее ихъ съ Кандидаманторомъ, не позволило имъ разлучиться. Они вмѣстѣ садятся на одно судно. Мореплаваніе

съ начала было благополучно; но по томъ вѣтръ становился часъ отъ часу сильнѣе, и предвѣщалъ бурю. Матрозы клялись, женщины дрожали, Аѳинянинъ и посланникъ были спокойны. Матрозы возсылали молитвы свои къ небу, женщины успокоились; а Кандидамантор и Абарисъ начали опасаться худыхъ слѣдствій. Буря сдѣлалась столь жестокою, что корабль тотчасъ лишился своихъ мачтъ; будучи влекомъ теченіемъ и ударившись о подводной камень, разбился. Волны выбросили Кандидамантора на берегъ, гдѣ нѣкоторыя женщины подали ему помощь, и перенесли его въ близъ лежащій оттуда домъ. Онъ увѣдомился, что находился въ

землѣ Амазонской и въ домѣ одной Гречанки, которая занимала при дворѣ знатное мѣсто. Онъ почувствовалъ великое желанїе ее увидѣть. Она прїѣзжаетъ; сколь велико было его удивленїе, когда онъ въ ней познаетъ дражайшую свою Евгенїю! Онъ не смѣлъ вѣрить своимъ глазамъ и пребылъ неподвиженъ. Евгенїя простираетъ къ нему свои руки, называя его ласкательнѣйшими именами. Оставшись съ нимъ одна, она не преставала его вопрошать. Кандидаманторъ разсказалъ ей, сколь великое было его отчаянїе, и сколь много употребилъ онъ времени для сысканїя ее въ лѣсу. Я этому вѣрю, прервала рѣчь его, нѣжная Евгенїя, и познаю сїе изъ

моей къ тебѣ любви. Увы! я также отчаявалась паки увидѣть обожаемаго мною любовника. Когда дикія насъ похитили, то мы принуждены были долгое время за ними слѣдовать посреди лѣсовъ; наконецъ привели насъ на берегъ моря, лежащаго на границахъ Греціи. Тутъ они развели большой огонь, и я увидѣла ихъ растерзывающихъ . . . . Увы! избавьте меня отъ сего ужаснаго повѣствованія. Отецъ мой уже болѣе не существуетъ. Всѣмъ извѣстно, что Амазонки положили обѣщаніе опустошать всякой годъ Грецію за обманъ Геркулесовъ. Онѣ пристали къ тому мѣсту, гдѣ и я была бы въ свою очередь принесена на жертву; онѣ напали на дикихъ,

которые по маломъ сопротивленіи оставили меня во власть Амазонокъ. Я раздѣлила съ ними гнѣвъ ихъ на Грецію, на сію неблагодарную землю, которая осудила на смерть моего родителя и изгнала дражайшаго моего Кандидамантора. Услуги, оказанныя мною Амазонкамъ награждены были по прибытіи моемъ сюда правомъ гражданки, и я была бы благополучна, естьлибъ не возмущало покой мой всегдашнее напоминаніе потери моего родителя и любовника.

Кандидаманторъ надѣялся вступить во всѣ супружескія права въ разсужденіи Евгеніи, какъ пришли ей доложить о посланномъ отъ Королевы. Увѣдомившись, что иностранецъ

принесенъ былъ къ ея берегамъ, потребовала она его къ себѣ. Надобно было повиноваться, и Кандидамантора отвели во дворецъ. —

Сверхъ чаянія спустя нѣсколько времени Амазонская обладательница съ спокойнымъ духомъ приказала отвести его во храмъ, для принесенія на жертву, въ первой праздничной день. Евгенія неотступно просила о его помилованіи; но безуспѣшно. Ей дали знать, что и такъ довольно были великодушны, когда простили ей то, что она удержала у себя иностранца безъ позволенія Королевы, которой единой принадлежало право располагать онымъ. Кандидаманторъ не страшился смерти; онъ ее ча-

сто презиралъ. Чтожъ? Заперли его съ молодымъ Египтяниномъ, коего одинаковая съ нимъ ожидала участь. О родитель мой! говорилъ Египтянинъ, сколь велико будетъ твое соболѣзнованіе. О Евгенія! говорилъ Кандидаманторъ, вмѣсто того, чтобъ пребывать въ твоихъ объятіяхъ, супругъ твой скоро преданъ будетъ смерти. Какая разность! И такъ они препроводили нѣсколько времени въ однихъ только соболѣзнованіяхъ. Въ одинъ вечеръ невольникъ, которой былъ къ нимъ приставленъ, вручилъ Кандидамантору записку, состоящую въ сихъ словахъ:

„Раздраженные Греки возънамѣрились въ сію ночь разорить храмъ. Воспользуйтесь

„симъ случаемъ. Невольникъ, „которой вручитъ вамъ сїю „записку, не запретъ двери „вашей темницы, и снабдитъ „васъ оружїемъ. Какъ скоро „вы освободитесь, то прїѣз-„жайте въ Тиръ, гдѣ вы най-„дете вѣрную вашу

Евгенїю.

Кандидаманторъ и Египтянинъ, вооружившись, вышли благополучно. Они соединились съ Греками, которые, разграбивъ и сожегши храмъ, возвратились на свои корабли. Египтянинъ, прежде нежели разстался съ Кандидаманторомъ, принудилъ его обязаться клятвою, что онъ прїѣдетъ въ Мемфисъ, какъ скоро соединится съ Евгенїею. Онъ при томъ увѣрилъ его,

что онъ вознаградитъ какъ потерянное имъ достоинство, такъ равно и лишенїе его богатства. Они дружески простились, обѣщаясь никогда не стараться приходить въ милость къ Амазонскимъ Королевамъ.

Великїя почести подвергаютъ великимъ опасностямъ.

ГЛАВА XV.,,

Греческое платье.

Кандидаманторъ не въ продолжительномъ времени прибылъ въ Тиръ. Островъ сей управляемъ былъ тогда женщиною. Лишь только онъ сошелъ съ корабля; то и отвели его, къ начальнику при-

стани, которой далъ ему стражу, какъ для охраненія его, такъ и для показанія ему города; а напослѣдокъ обѣщался представить его Королевѣ. Кандидаманторъ вдругъ спросилъ его, не обязаны ли и здѣсь иностранцы слѣдовать Амазонскимъ обыкновеніямъ? Вопроса его сперва не поняли; но когда онъ разсказалъ послѣднее свое приключеніе, то совершенно былъ успокоенъ.

Охранители его сперва повели къ Городскому валу, гдѣ обыкновенное производилось въ то время городскихъ жителей гулянье. Оно состояло въ большой дорогѣ, усаженной двумя алеями. Искуствомъ украшенная во всѣхъ другихъ мѣстахъ природа, являлась тутъ

во всей своей простотѣ. Тамъ прогуливаяся съ удовольствїемъ вращаютъ взоры на болота и мельницы, а наипаче на протоки, которые гордо текутъ подъ тѣнїю своихъ береговъ.

На сїи гулянья молодыя Тирянки собираются показывать свое проворство въ управленїи колесницею, и устрашать пѣшихъ рѣзвостью ихъ лошадей. Тирянинъ думаетъ получить Марсовъ вѣнецъ, когда онъ каждаго ослѣпилъ пылью. Близъ валу находился городъ, которой единымъ искуствомъ былъ украшенъ. Оранжерейные плоды произрастали только помощїю огня и въ необыкновенное время года.

Садъ сей наполненъ бываетъ по утру любителями но

востей; въ половинѣ дня хитрыми любовниками, а въ вечеру женщинами.

Азема приходитъ туда, чтобъ показать новое свое платье, и помрачить всѣхъ женщинъ блескомъ своего убранства. Она не видитъ до тѣхъ поръ, пока не увѣрится, что объ ея платьѣ будутъ говорить цѣлые три дни.

Фатьма приходитъ туда, чтобъ разсказать что нибудь съ худой стороны о своихъ знакомыхъ. Она до тѣхъ поръ не перестанетъ говорить, пока не повредитъ чести шести своихъ лучшихъ прiятельницъ.

Земира бѣжитъ туда тихонько отъ своей матери сыскать себѣ любовника, которой

на другой же день лишитъ ея чести.

Старая Абелла отягощенная нарядами, и занятая своими прелестями, нищенски испрашиваетъ нѣжныхъ взоровъ, въ которыхъ ей отказываютъ. Она воображаетъ казаться еще въ первой своей молодости, и ни о чемъ другомъ не говоритъ, какъ только объ однихъ сожалѣнiяхъ, что такъ скоро ее потѣряла.

Лаиса хвастается подарками своихъ любовниковъ; плодомъ своего распутства. Гордяся своми каменьями и алмазами всенародно проповѣдуетъ вѣжливость своихъ любителей.

Не подалеку отъ многолюднаго мѣста находятся кустарники, насажденные для таин-

ственнаго удовольствія. Иногда постоянная и невинная въ оныхъ заблуждается. Пріятное уединеніе, драгоцѣнное мѣсто для любозниковъ, но весьма плачевное для несчастныхъ супруговъ.

Близъ саду находится театръ, въ которомъ каждой день представляютъ творенія Тирскихъ стихотворцевъ. Плачутъ о смѣшномъ, смѣются плачевному, и театральное искуство возведено на высочайшую степень совершенства. Раздраженная княгиня употребляла столько искуства для изъявленія буйственнаго своего бѣшенства, что зрители приведены были въ страхъ въ разсужденіи актрисы. Прекрасной Князь соотвѣтствуетъ ей тѣлодвиже-

ніями, геометрически размѣренными; платье, народъ, служанки, тѣлохранители и машины составляютъ все дѣйствіе.

По окончаніи спектакля Тирянки собираются въ Королевины чертоги. Правила Архитектуры не были соблюдены въ созиданіи сего зданія; ибо во всякомъ мѣстѣ виденъ былъ старой вкусъ вмѣстѣ съ новымъ.

Картины, коими были украшены стѣны, привлекли вниманіе Кандидамантора. На первой представившейся его взору, при самомъ входѣ, была изображена вдова въ печальномъ платьѣ, плачущая передъ зеркаломъ.

Подлѣ оной висѣлъ портретъ Прокурора, занимающагося перечневымъ щетомъ о

простоpяхъ. На концѣ картины виденъ былъ замокъ, на которой онъ умильнымъ окомъ взираетъ такъ, какъ будто онъ скоро долженствовалъ ему принадлежать.

На большой картинѣ подлѣ дверей представлена лицемѣрка на условномъ мѣстѣ находящаяся съ маскою въ рукахъ; молодой человѣкъ, идущій съ помощію палки; хранитель общественной казны, облеченный весь въ золото, прелазитъ городскія стѣны, и волхвъ въ видѣ женщины, держа въ рукахъ букетъ цвѣтовъ.

Картины, которыя наиболѣе тронули Кандидамантора, были написаны Тирскимъ живописцемъ, которой не иначе изображаетъ людей, какъ въ

видѣ животныхъ. Онъ представилъ одного богача, которой думаетъ заставить почитать себя своимъ золотомъ въ павлинѣ, гордящемся своими перьями; любовника въ соловьѣ; молодую жену въ ласточкѣ, а мужа въ кокушкѣ. Ему нѣкогда приказано было написать портретъ лекаря, весьма искуснаго и прилѣжнаго въ своемъ ремеслѣ. Когда кто нибудь занеможетъ; то онъ тотчасъ къ нему приходитъ, и больной отъ присутствія его умираетъ. Живописецъ изобразилъ его въ видѣ парящаго коршуна надъ птичьимъ дворомъ. Цыплята, лежащіе на землѣ, трепетаніемъ своимъ изъявляли ужасъ ихъ объемлющій при видѣ сего кровожаждущаго животнаго.

Онъ изобразилъ офицеровъ которые хранятъ городскія украшенія, въ собраніи журавлей важно помѣщенныхъ около великаго числа блюдъ, и занимающихся только пищею.

Изображеніе присудственнаго мѣста есть изящное произведеніе въ своемъ родѣ. Судья представленъ въ копчикѣ, Совѣтникъ въ суркѣ, подъячій въ лисицѣ, стряпчій въ попугайчикѣ, а челобитчикъ въ гусенкѣ.

Разсмотрѣвъ картины Кандидаманторъ, и ожидая того времени, въ которое Королева показывается, взошелъ въ храмъ, не въ дальнемъ разстояніи отъ дворца находящійся.

Мода есть богиня Тирскаго народа. Никогда и нигдѣ сіе

божество съ такимъ усердіемъ и почтеніемъ не было обожаемо, какъ у Тирянъ. Богослуженіе ей чинимое состоитъ въ томъ, чтобъ одѣваться и поступать по принятому на тотъ разъ обычаю. Жрицы суть молодыя дѣвицы, обязанныя должностію показывать въ храмѣ наидрагоцѣннѣйшія украшенія Богини. Всѣ онѣ Весталки.

Мода имѣетъ также Жрецовъ; для означенія ихъ достоинства, они носятъ бѣлое съ черным ожерелье. Должность ихъ состоитъ въ разсматриваніи, чтобъ наряды обожателей моды совершенно сходствовали съ тѣми, кои одобрены Жрицами. Не извѣстно, какое дать имъ названіе въ обществѣ. Они ни мущины, ни жен-

щины, но какія-то средчія существа между обоими полами.

При выходѣ изъ храма Кандидамантор отведенъ былъ въ Королевины чертоги. Она освѣдомлялась тогда о произшествіи въ тотъ день случившемся, о новомъ сочиненіи и о платьѣ, которое болѣе всѣхъ было предметомъ разговоровъ на гуляньѣ. Она со вниманіемъ также слушала разныя мнѣнія, предлагаемыя ей въ разсужденіи нарядовъ.

Вниманіе Королевино прервано было пришествіемъ Кандидамантора. Каждой замѣчалъ видъ сего чужестранца и странность его одежды. Королева приняла его милостиво, приказала къ себѣ подойти, и спрашивала о мѣстѣ его рожденія.

Вопрошая такимЪ образомЪ разсматривала его платье, которое находила прекраснымЪ. Лишь только КандидамантпорЪ обЪявилЪ, что онЪ ГрекЪ, то и зачали хвалить ГрековЪ, что они имѣютЪ такїя щегольскїя платья.

Всѣ женщины окружили Грека. Тогда молодой ЖрецЪ моды, которой разсуждалЪ во все то время, вЪ которое вопрошали Аѳинянина, вставЪ началЪ просить позволенїя у Королевы говорить о важномЪ дѣлѣ. Она ему позволила.

ЖрецЪ приближался сЪ гордымЪ видомЪ, ступая наноскахЪ. Остановился прямо и самЪ себѣ любовался. Каждой замолчалЪ, чтобЪ его слушать. Улыбнувшись и оборотясь кЪ

собранію онъ посмотрѣлъ самъ на себя съ удовольственнымъ видомъ, и предложилъ сдѣлать платья по Греческому обыкновенію. По сихъ словахъ поднялися въ залѣ радостныя восклицанія. Королева одобрила; четверо изъ ея любимцовъ упали отъ радости въ обморокъ, и мнѣніе принято было за весьма полезное для государства. Аѳинянина начали ласкать, коему чувствительною благодарностію были одолжены; а Королева приказала ему отвести покои въ своемъ дворцѣ.

Сколь много находится такихъ людей, которые всѣми своими достоинствами обязаны платью.

ГЛАВА XVI.

Начало.

Мода у Тирянъ не надъ одними нарядами владычествуетъ; все покорено ея власти. Городъ Тиръ раздѣленъ былъ на многія партіи за принятіе иностранной музыки изъ презрѣнія къ своей. Спустя нѣсколько времени послѣ прибытія Кандидамантора; весь островъ былъ въ движеніи въ разсужденіи невоприбывшей актрисы.

Ангелла, молодая Сиріянка, просила позволенія вступить въ Королевинъ театръ. Она едва начала въ четвертой разъ изъявлять свою величавость, какъ наиживѣйшія краски покрыли цвѣтъ ея лица; сладость оставалась на ея губахъ, а гла-

за ея, казалось, представляли совершенное изображенїе удовольствїя. Къ толикимъ прелестямъ присоединяла она еще видъ подобной тому, которой принимаютъ на себя Грацїи, когда онѣ хотятъ заманить купидона въ рощицы счастливой идалїи. (*).

Предпрїятїе какого нибудь дѣла почитаютъ въ Тирѣ за великую важность. Новая и старая актриса, для коихъ собрались въ театръ, каждая имѣетъ своихъ защитниковъ, кои спорятъ, кричатъ, преклоняютъ другихъ на свою сторону, сговариваются. Старшая поддерживаетъ свои права съ важно-

(*) идалїя гора, посвященная Венерѣ.

стію, а новая предлагаетъ свой съ надмѣнностію; общество разнымъ образомъ беретъ участіе въ ихъ ссорѣ. Давнишніе защитники театральные держатъ сторону старой; а молодые люди, охотники до новостей, дѣлаются защитниками новой; благоразумной же человѣкъ смѣется надъ обѣими актрисами и ихъ покровителями.

Ангелла предчувствовала, чего ей должно опасаться со стороны Корніи, на мѣсто которой ей должно было вступить, подговорила на свою сторону наизнатнѣйшихъ молодыхъ людей въ городѣ. Она поддерживала еще свои требованія толпою, составленною изъ тѣхъ зрителей, которые служатъ подпорою театра,

которые всякой день ходятъ на щетъ любовниковъ актрисъ, и которые всегда готовы рукоплескать для тѣхъ, кои хотятъ имъ за то платить. Сіи подлыя существа раздѣлялись тамъ на двѣ противныя стороны, и имѣли начальниками Егона и Панаса, почитаемыхъ театральными прорицателями.

Егонъ присоединялъ къ важному стану горделивый и грозный видъ; онъ говорилъ громко; все распоряжалъ по своему хотѣнію, порицалъ все дерзновенно, и часто употреблялъ силу для увѣренія въ истиннѣ своихъ мнѣній. Панасъ, сотворенный въ заблужденіи природою, едва примѣтенъ былъ въ толпѣ. Онъ былъ низокъ и подлъ; одобрялъ все съ без-

стыдствомъ, нападалъ съ робостїю и часто съ безчестїемъ носилъ знаки безразсуднаго своего буйства.

Молодая Сирїянка имѣла проворство привлечь на свою сторону степеннаго Егона. Въ назначенной день маленькое войско собралось въ театръ, и овладѣвъ заломъ, такъ какъ какимъ нибудь неприступнымъ мѣстомъ, взяло на себя должность цѣнить прїятности и сдѣлать Ангеллѣ привѣтствїе, коего она нетерпѣливо ожидала. Едва успѣла она растворить ротъ, какъ всякому слову, всякому тѣлодвиженїю съ удовольствїемъ начиналось рукоплесканїе, и новая актриса имѣла причину быть довольною усердїемъ своихъ защитниковъ.

При первомъ дѣйствїи она вышла съ трепетомъ, казалась просящею при второмъ, увѣрилась при третьемъ, довольна была сама собою при четвертомъ, и кончила быть за то благодарною при пятомъ; а вышла твердо увѣренною о превосходствѣ своихъ дарованїй, и нимало не сомнѣвалась въ томъ, чтобъ не по должности своей дѣлали ей рукоплесканїе.

Защитники Корнїи хотѣли противустоять успѣху Ангеллы. Но страшный Егонъ замѣшивается вездѣ, онъ повелѣваетъ, располагаетъ и разгоняетъ. Тотчасъ непрїятели были разсыпаны и Панасъ опрокинутъ былъ какъ бурнымъ дуновенїемъ вѣтра. Ссора наконецъ сдѣлалась общею и распространилась по

всему городу. Умы разгорячились, и Королева начала опасаться всеобщаго возмущенія. Она совѣтовалась съ Кандидаманторомъ. Аѳинянинъ, которой довольно узналъ нравъ Тирскаго народа, догадался, что надобно обратить ихъ вниманіе къ другому предмету. Онъ предложилъ Королевѣ отдать приказаніе, чтобъ воины носили каски съ перьями, и чтобъ головные уборы придворныхъ дамъ были съ крыльями. Новое сіе украшеніе скоро учинилось важнѣйшимъ упражненіемъ. Перестали говорить объ актрисахъ, и возмущеніе прекратилось.

Сколь много междоусобныхъ браней имѣло подобное сему начало.

ГЛАВА XVII.

Рабство.

Кандидамантор час от часу более нравился Королеве, а наипаче, когда она примѣтила, что Греческое одѣянїе придавало ей живость в лицѣ, которую она уже давно потеряла. Она столь была сим довольна, что пожаловала Аѳинянина первым своим министром.

Кандидамантор не завидовал сему мѣсту; однако принял его, будучи увѣрен, что оно не слишком его привяжет к такому народу, которой единственно только занимается своею одеждою. Но он обманулся. Королева часто собирала свой совѣт иногда

для того, чтобъ выбрать пристойную оправу для ожерелья; а иногда о завтрашней ея ческѣ волосъ. Въ одну ночь Королевѣ весьма захотѣлось поучиться игрѣ, находящейся въ великомъ употребленiи въ сосѣдственномъ государствѣ. Она послала разбудить своего министра, дабы онъ отправилъ для сего нарочнаго посланника. Нѣкогда онъ трудился цѣлыхъ три мѣсяца для снаряженiя флота, назначеннаго къ отправленiю за маленькими статуйками, которыя только дѣлались у однихъ Индѣйцовъ.

Кандидамантору должность его показалась весьма безпокойною, и только дружба Королевы его утѣшала. Онъ отъ нее каждой день получ алъ новой

какой нибудь подарокъ. Въ одинъ вечеръ весьма много говорили объ иностранкѣ, которая появилась на гуляньѣ. Королева спросила у Кандидамантора, какова ему показалась иностранка. Весьма прекрасна, отвѣчалъ онъ. Королева оборотилась къ нему спиною. Часъ спустя послѣ того его отвели въ темницу. Съ того времени онъ обѣщался больше никогда не сказывать своего мнѣнія, и твердо быть увѣрену, что всякая Королева есть наипрекраснѣйшая женщина своего Государства.

Въ то время Бактріанцы пришли осадить городъ Тиръ. У нихъ спросили, какая причина побудила ихъ возымѣть ненависть противъ такого на-

рода, которой ни о чемъ болѣе не помышляешъ, какъ только чтобъ смѣяться и пѣть. Сїе то самое насъ и ожесточаетъ противу васъ, отвѣчалъ непрїятельской полководецъ. Вы смѣетесь тогда, когда мы печальны; вы занимаетесь пѣнїемъ, а мы огорчаемся; вы прыгаете, а мы весьма тихими шагами ходимъ; вы носите маленькїя шапочки; а мы большїя. Одежды ваши убраны бахрамами, а наши просты. Вы проводите жизнь весьма веселую, а мы очень скучную; вы ожидаете смерти, а мы ее предупреждаемъ. И такъ вы видите, что мы не можемъ обойтиться безъ того, чтобъ вамъ не объявить войны, и не почитать васъ за наивеличайшихъ себѣ враговъ.

Сіи доказательства были столь справедливы, что Тиряне рѣшились защищаться. Приказано было надѣлать серебряной посуды; накупили прекрасныхъ лошадей; убрали золотомъ солдатскія одежды; повезли въ армїю пѣвицъ, и выбрали наипрекраснѣйшаго мущину начальствовать надъ оною. Съ такимъ блистающимъ уборомъ ручался онъ за одержанїе побѣды. Королева забавлялась пѣсенками, смотря на отправляющееся свое войско; и уже объявляли въ городѣ о продажѣ Бактрїянскихъ оружїй и лошадей.

Въ сїе время Кандидаманторъ былъ освобожденъ; но съ запрещенїемъ являться ко двору; ему позволено только было

соединиться съ армїею, естьли онъ то за благо разсудитъ. Аѳинянинъ не могъ жить праздно въ облеженномъ непрїятелями государствѣ; къ тому же напомнилъ онъ всѣ благодѣянїя Королевы. Онъ явился къ военоначальнику, которой ему нѣсколько сдѣлалъ епиграммъ на скромность. Бактрїанцы притѣсняли Тирянъ. Кандидаманторъ хотѣлъ подать совѣтъ военоначальнику; но онъ слушалъ его попѣвая пѣсенки съ разными трельми, и оправляя згибы своего полукафтанья. День къ сраженїю былъ назначенъ. За два часа передъ онымъ собрались къ начальнику въ палашку, гдѣ забавлялись на щетъ непрїятельскаго войска; много выпили иностраннаго вина, и

поставили армію въ ордеръ баталіи. Наиважнѣйшіе посты препоручены были, что и справедливо, молодымъ людямъ лучше всѣхъ убраннымъ, и которые весьма остро шутили. Знакъ къ сраженію былъ поданъ; дрались съ великою храбростію съ обѣихъ сторонъ; но наконецъ Бактріанцы одержали побѣду. Начальникъ Тирскаго воинства разбитъ былъ такимъ полководцемъ, у коего не было ни пѣвицъ, ни осамистыхъ лошадей, ни серебряной посуды, и которой не зналъ сочинять епиграммъ. Бактріанцы взяли многихъ въ плѣнъ, въ числѣ коихъ былъ и Кандидаманторъ. Побѣдители не занимались пѣніемъ пѣсенъ; они прямо шествовали въ Тиръ,

которой взяли приступомъ. Самая Королева взята была въ плѣнъ и подвержена, была игу рабства,

ГЛАВА XVIII.

Игрица.

Кандидаманторъ былъ проданъ въ числѣ прочихъ невольниковъ; его купилъ одинъ молодой Бактріанскій Офицеръ, по имени Азоръ, которой былъ нраву весьма человѣколюбиваго, но только чрезвычайно пристрастенъ былъ къ игрѣ. Сему пристрастію причиною была любовь, которую онъ возымѣлъ къ одной игрицѣ. Кандидаманторъ увидѣлъ сію женщину, и узналъ повѣсть о любовныхъ дѣлахъ своего Господина. Руки,

находящїяся въ безпрестанномъ движенїи, и выпуклыя глаза, показывали въ Зороинѣ (имя сей женщины) страстную игрицу. Она была вдова и пользовалась изряднымъ имѣнїемъ, но наконецъ расточеннымъ игрою. Безумїе сїе столь сильно надъ нею владычествовало, что затмѣвало въ ней самое самолюбїе и кокетство. Тщетно молодые люди наипрекраснѣйшїе собою хотѣли имѣть честь ей понравиться. Они выслушиваемы были только въ тѣ нещастныя минуты, когда Зороина, раздосадованная на игру, клялась отъ оной навсегда отказаться. Лживая клятва, которую она не медлила преступать, и любовь тогда оставалась въ забвенїи.

Азоръ увидя Зороину, въ нее влюбился, но тщетно. Однакожъ онъ удостоился нѣкотораго отличія въ толпѣ ея обожателей. Къ прекраснѣйшему стану присоединялъ онъ хорошее воспитаніе, пріятную вѣжливость и образъ мыслей, кои ему совершенное доставили отъ другихъ почтеніе. Онъ сперва испытывалъ дѣлать наищедрѣйшія предложенія, которыя едва удостоили вниманія. Минута еще не приближилась, и надобно было совершенному перевороту обстоятельствъ удостовѣрить въ его торжествѣ.

Счастіе, которое нѣсколько времени совершенно было на сторонѣ Зороины, вдругъ перемѣнилось, и не преставало отъ нее часъ отъ часу удаляться.

Въ одну ночь наипаче несчастїе оказало надъ нею опыты своей свирѣпости, и едва было ли два часа утра, какъ она уже успѣла проиграть всѣ свои деньги. Оставались у ней нѣкоторыя галантерейныя вещи, кои она тотчасъ продала, но полученная за оныя сумма денегъ немедленно изчезла. Что тогда дѣлать? Не проигрышъ ее приводилъ тогда въ отчаянїе, но то, что игра сїе долженствовала еще продолжаться чытыре часа. Она осуждена бы была только смотрѣть на играющихъ. Какое тяжкое положенїе!

По среди своихъ соболѣзнованїй, вспомнила она объ Азоровой любви, и не сомнѣвалась, чтобъ онъ не обрадо-

вался случаю оказать ей услугу; по чему она тотчасъ рѣшилась занять у него тридцать унцій золота. Возымѣть такоое намѣреніе, по томъ остановиться, а напослѣдокъ отправиться для выполненія онаго; все сіе произведено было въ одну минуту, даже не имѣла времени и того примѣтить, что тогда была уже глубокая ночь.

По счастію домъ Азоровъ не далеко отстоялъ отъ того мѣста. Зороина въ оной пріѣзжаетъ, стучится, будитъ невольниковъ, и проситъ, чтобъ ее проводили къ Азору. Тщетно одинъ изъ нихъ ей представляетъ, что уже очень поздно; Господинъ его почиваетъ, и можетъ быть про-

гнѣвается, за то, что его разбудятъ. Она же не отступно того требуетъ, увѣряетъ, что Азоръ радъ будетъ ея посѣщенію, грозитъ ему гнѣвомъ его господина, сжели онъ не выполнитъ ея приказанія; пользуется минутою смятенія, входитъ и достигаетъ Азоровой спальни, разбуждаетъ его и проситъ тридцать унцій золота.

Онъ совсѣмъ не ожидалъ такого посѣщенія. Вышедъ не много изъ своего удивленія, не доумѣвалъ, на что ей надобна была требуемая ею сумма. Онъ ей оную далъ, но съ нѣкоторымъ условіемъ. Зороина смутилась. Но какъ она пылала нестерпимымъ желаніемъ окончить свою партію, то и не

хотѣла совершенно оскорбить Азора, и вдругъ его прогнѣвать. Она ему призналась, что имѣетъ къ нему особливое почтенïе, и что съ удовольствïемъ будетъ оказывать ему нѣкоторые знаки благодарности. Азоръ ей отвѣчалъ прямо, что онъ готовъ ей дать все, чего она ни требовала, только за извѣстную ей цѣну; что онъ уже такъ рѣшился, и что никакъ уже своего намѣренïя не перемѣнитъ.

Зороина не столь была тронута предложенïемъ, какъ потерею того времени, въ которое она лишится удовольствïя заниматься игрою. Пусть всякой представитъ себѣ затрудненïе такой игрицы, которая съ одной стороны силь-

нымъ пристрастїемъ къ игрѣ понуждаема была вступить въ партїю, которая безъ нее можетъ быть окончится; а съ другой ревностнымъ желанїемъ имѣть ту сумму, безъ которой ей не можно было туда появиться. Что предпринять? Ежели Зороинѣ долго сопротивляться Азоровымъ желанїямъ: то она опоздаетъ къ игрѣ; ежели же удовлетворить его прозьбѣ, то любовь Азорова овладѣетъ ею, и чѣмъ болѣе онъ будетъ оказывать горячности, тѣмъ долѣе сильное желанїе играть будетъ ее мучить. Какая нерѣшимость! Однакъ же она соглашается уступить, чтобъ понапрасну не терять времени, прося Азора удовольствоваться только са-

мыми малѣйшими знаками ея любви, и позволить ей скорѣе соединиться съ своей партїей.

Всякой человѣкъ льститъ себя надеждою, и естьли сїе дозволительно, то не иначе, какъ въ таковыхъ случаяхъ. — Азоръ надѣялся погасить пламенное желанїе къ игрѣ и оставить до завтрашняго дни партїю, а теперь объ ней и не думать. Суетная надежда! Льстивое мечтанїе! Кто бы не возмечталъ, будучи въ такихъ обстоятельствахъ, что онъ одинъ только существуетъ на земли; что онъ тогда позабываетъ самаго себя; когда весь занятъ единымъ только предстоящимъ предметомъ? Кто бы подумалъ, говорю я, чтобъ душа его могла тогда зани-

маться другими развлеченїями и обращать свои мысли на отвлеченные предметы.

Всуе думалъ Азоръ воспламенить въ Зороинѣ любовь своими вздохами; всуе старался онъ съ нею раздѣлить свою любовь и удовольствїе. Неблагодарная жаловалась на излишнюю его горячность, и соотвѣтствовала его страсти единымъ только прошенїемъ, дабы онъ вспомнилъ то, что она оставила начатую свою партїю, и что пылала нестерпимымъ желанїемъ ее окончить.

Таковое долговременное сопротивленїе и столь усильная прозьба столько же не понравились Азору, сколько и уди-

вили; по чему и жаръ любви тотчасъ простылъ.

ГЛАВА XIX.,,

Игрокъ по неволѣ

Азоръ потерявъ любовь свою къ Зороинѣ, самъ весьма пристрастился къ картамъ. Кандидаманторъ рѣшился отъ того его вылечить. Онъ зналъ, что для сего потребно было наижесточайшее лекарство. Увѣдомившись, что Зороина, и еще семь такихъ же славныхъ игрицъ, сбирались играть безпрестанно на двои сутки, онъ просилъ у нихъ позволенія привести къ нимъ человѣка, которой составитъ ихъ партію. Получивши оное, представилъ

онъ имъ своего господина. Они помѣстились въ залѣ, назначенной для мѣста сраженія; столъ былъ поставленъ, и въ тоже самое время покрылся золотомъ: посадили Азора и побоище началось.

Двадцать четыре часа уже играли, но никто не помышлялъ сдѣлать предложеніе объ отдыхѣ. Стягченный Азоръ предложилъ кончить игру и сѣсть за столъ. Удивленныя женщины не могли понять, какъ могъ думать игрокъ объ ѣдѣ. Они ему сказали, что это еще не уйдетъ. Азоръ же неотступно просилъ и казался быть весьма недовольнымъ. Онѣ имѣли выгоду, чтобъ его не упустить, и для того одна изъ играющихъ оставивъ партію, при-

казала принесть цыпленка; разрѣзавъ онаго подавала ему одною рукою куски, а другою между тѣмъ играла въ карты; тогда Азоръ увидѣлъ, что должно предаться обстоятельствамъ. Онъ надѣялся, что можетъ быть сонъ принудитъ ихъ взять нѣкоторое отдохновенiе. Но не зналъ, что когда игрица не спитъ ночью, то страсть ея пребывая равномѣрно какъ въ душѣ, такъ и въ тѣлѣ удовольствываетъ желанiя какъ той, такъ и другаго.

Удрученный сномъ, но не смѣя разрушить партiи, Азоръ, нашелъ случай выйти на минуту. Вырвавшись изъ рукъ жестокихъ своихъ собесѣдницъ, онъ помышлялъ только о сысканiи мѣста, для своего отдох-

новенія. Онъ примѣтилъ маленькую лѣсенку, взошедши на которую, нашелъ чердакъ, наполненый сѣномъ; палъ на оное и заснулъ.

Безпокойствїе начинается въ собранїи; его ждутъ, кличутъ, и наконецъ выходятъ изъ терпѣнія. Опасаются, что не ушелъ ли Азоръ, ругаютъ его; приходятъ въ отчаянїе, новое смятенїе, всякая игрица вооружается факеломъ и бѣгаетъ по всему дому. Посреди ихъ жалобъ, вдругъ поражается слухъ ихъ радостными восклицанїями: вотъ онъ! вотъ онъ! Тогда всѣ старухи помолодѣли; онѣ опромѣтью кинулись на чердакъ; вбѣгаютъ, будятъ его и тащатъ на низъ, а нако-

нецЪ посадивЪ за столЪ, начали опять свою игру.

Два часа его отсутствїя возвратили нѣкоторое спокойствїе Азору; но ему весьма прискорбно было то, что онЪ совсѣмЪ не ушелЪ отЪ своихЪ надзирательницЪ. ОнЪ скоро нашелЪ новой случай для удаленїя своего; ему позволили, только сЪ такимЪ при томЪ договоромЪ, чтобЪ два невольника служили его стражею. ОнЪ сошелЪ на дворЪ ; однакожЪ женщины провожали его своими глазами. АзорЪ примѣтивЪ колесницу, близЪ стѣны находящуюся, не долго колебался сѣсть вЪ оную, перескочить черезЪ стѣну и велѣть везти себя далѣе отЪ сего дому. АзорЪ почиталЪ себя уже вЪ

безопасности, какъ вдругъ былъ остановленъ Зороиною и еще тремя ея подругами. Она предвидѣла его намѣренїе, страсть сдѣлала ихъ довольно легкими, чтобъ обѣжать въ одну минуту вокругъ всего дома и схватить бѣглеца въ самую минуту его торжества.

Принужденный Азоръ сѣсть опять за игру, окончилъ свою партїю, кленяся, что то была послѣдняя.

Часто чрезмѣрное удовольствїе раждаетъ къ себѣ отвращенїе.

ГЛАВА XX.

Найденный другъ.

Азоръ, оставшись побѣдителемъ долгое время терзающей его страсти, чувствовалъ

благодарность, которою онъ обязанъ былъ своему невольнику; по чему и вознаградилъ его за то вольностію. Кандидамантoръ не медля отправился въ Мемфисъ. Городъ сей управляемъ тогда былъ Апріемъ молодымъ Государемъ, не давно престолъ принявшимъ, и которой подавалъ Египтянамъ о себѣ наивеличайшую надежду.

Прибывъ въ Мемфисъ Кандидамантoръ долгое время, но тщетно, искалъ своего друга, коего желалъ обнять. Онъ уже располагался оставить Египетъ; какъ пришло ему на мысль изъ любопытства сходить во дворецъ и посмотрѣть того Государя, коего каждой гражданинъ превозносилъ похвалами. Безъ всякаго труда подходили

къ молодому Государю, которой вмѣсто тѣлохранителей охраняемъ былъ любовїю своихъ подданныхъ. Кандидаманторъ нашелъ въ Апрїи того Египтянина, которой раздѣлялъ съ нимъ его участь у Амазонокъ. Апрїй его также узналъ, и сдѣлалъ ему наиласковѣйшїй прїемъ, прося его, дабы онъ основалъ жилище свое въ Мемфисѣ. Кандидаманторъ въ короткое время снискалъ дружбу сего Государя.

Въ одинъ день сей Государь прочитывая Египетскїя лѣтописи (*), весьма удивился,

---

(*) Въ Египтѣ сочинялись такїя книги дѣеписанїй, въ кои вносили всѣ какъ добрыя, такъ и худыя дѣла своихъ Государей,

увидя въ нихъ, что онъ будучи еще десяти лѣтъ, обладалъ такими знанїями, о коихъ

по коимъ по смерти судимы они были особенно на то избранными судїями. Ежели судїи и весь Египетскїй народъ умершаго Царя находили мудрымъ, миролюбивымъ, богобоязненнымъ, кроткимъ и прочими добродѣтелями украшеннымъ; то удостоивали его священнаго погребенїя въ пирамидахъ, лежащихъ по одну сторону Меридова озера. Прахи же Царей злочестивыхъ повергаемы были въ мрачную и каменистую пещеру, лежащую по другую страну сего озера, и заключаемы были въ гробницахъ сѣдымъ мхомъ порощенныхъ, вокругъ коихъ извивались ехидны и ядовитыя скорпїи пресмыкались по онымъ. Примѣч. Перевод.

въ двадцать лѣтъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія; а на иначе тронутъ былъ чтенїемъ острыхъ шутокъ, сказанныхъ имъ, отъ коихъ принужденъ былъ краснѣть. Онъ жаловался о томъ Кандидамантору, которой отвѣчалъ ему, что учители ваши находили въ томъ великїя выгоды, чтобъ за все васъ превозносить хвалами. Они знали, чѣмъ за оное имъ вознаградятъ, и они съ вами занимались только надуванїемъ пузыриковъ. Невольники ваши весьма были глупы, мѣчтая себѣ, что они играютъ важную роль на театрѣ мїра сего; поелику имѣли честь помогать вамъ въ раздѣванїи. Иногда случалось имъ сказывать свое мнѣнїе въ разсужденїи придворныхъ про-

изшествій, и чтобъ сказать мнимое какое нибудь острое словцо, то всегда приписывали его имени какого либо почтеннаго человѣка. Съ того времени Апрій никогда не намѣренъ былъ говорить только о хорошихъ дѣлахъ, но на самомъ дѣлѣ ихъ выполнять.

Кандидаманторъ былъ во всемъ наперстникъ Государевъ. Въ одинъ день городъ Мемфисъ давалъ великолѣпный праздникъ, которой каждой придворный превозносилъ великими похвалами. Апрій, который не хотѣлъ оскорбить первыхъ начальниковъ, казался, что и онъ имъ весьма занимался. Но когда остался одинъ съ Кандидаманторомъ, то онъ ему чистосердечно признался, что

скука по всюду за нимъ слѣдовала. Что я вижу, говорилъ онъ, въ сихъ великолѣпныхъ пиршествахъ? Безпрестанное повторенїе. Прїобыкши къ наиделикатнѣйшимъ ѣствамъ, удовольствїя стола меня не трогаютъ. Ученїе войскъ моихъ иногда меня занимаетъ; но и сїя прїятность изтребляется иногда разсужденїемъ. Прогуливаюсь ли я когда? и тогда мнѣ нечего желать; ибо все, что ни вижу, мнѣ принадлежитъ. Любовь меня весьма мало трогаетъ, и мнѣ очень не трудно сдѣлаться благополучнымъ.

Шутки придворныхъ никогда меня не забавляютъ; злость отнимаетъ цѣну оныхъ; чтожъ касается до ихъ дружбы; то я ее за ничто почитаю; ихъ

подлая лесть отвратила бы меня отъ удовольствія управлять моими подданными.

ГЛАВА XXI.,,

Врачеваніе отъ скуки.

Кандидаманторъ вознамѣрился принудить Короля согласиться, что есть такія удовольствія, кои ему еще несвѣдомы. Онъ чувствовалъ трудность своего предпріятія, но свойство Апріево его въ томъ увѣрило. Король часто прохаживался, будучи сопровождаемъ однимъ только человѣкомъ и безъ всякихъ знаковъ своего отличія. Въ одинъ день Кандидаманторъ будучи одинъ съ Королемъ, повелъ его въ домъ

одного ремесленника, почтеннаго старца, которой казался быть стягченнымъ бѣдами и бременемъ скорбей удрученнымъ. Зрѣлище сїе поразило Апрїя; Кандидаманторъ то замѣтя, просилъ старца ввѣрить имъ свои скорби, увѣряя его, что они могутъ ему вспомоществовать.

Увы! возопилъ нещастный, можетъ ли кто возвратить мнѣ моего сына? Нѣтъ! . . . Единый Государь имѣетъ сїю власть. Но какъ къ нему приступить? а наипаче, когда я имѣю себѣ врагомъ первѣйшаго вельможу Египта. Я токмо есмь простой ремесленникъ, трудами рукъ моихъ снискивающїй себѣ пропитанїе; однакожъ я былъ благополученъ съ моею женою и

двумя дѣтьми; но Боги даровали мнѣ дочь чрезвычайной красоты, Аристасъ сына градоначальника, увидѣвъ ее, возъимѣлъ къ ней такую страсть, которая могла только служить къ общему нашему подавленiю. Онъ говорилъ съ дочерью моею: я свѣдавъ то, предсталъ ему, и говорилъ съ твердостiю духа, что я почитаю его весьма за честнаго человѣка, и не думаю, дабы онъ могъ лишить чести бѣднаго человѣка, и моля его, дабы прекратилъ всѣ старанiя свои, которыя могутъ содѣлать жизнь мою несчастною. Онъ обѣщался, и даже подтвердилъ клятвою свои обѣщанiя. Но злодѣй въ самую ту минуту похищалъ дочь мою; я находился

еще въ его домѣ, какъ привезли ее къ нему въ слезахъ утопающу. Я хотѣлъ было ее отнять, но онъ меня остановилъ. Я требовалъ ее силою, угрожая ему, что пойду, и повергнусь къ стопамъ Государевымъ съ моею жалобою. Онъ хотѣлъ укротить гнѣвъ мой нѣкоторыми дарами. Но я отбросивъ отъ себя его золото, укорялъ, что онъ таковымъ наигнуснѣйшимъ злодѣяніемъ учинится не достойнымъ той крови, отъ которой онъ происходилъ. Онъ столь много моими словами раздражился, что устремился на меня съ обнаженною шпагою, отторгая отъ меня одной рукою дочь мою, которая держала меня въ своихъ объятіяхъ, а другою хотѣлъ меня произить.

Сынъ мой тогда былъ со мною; онъ держалъ трость въ рукѣ, которою ударивъ по головѣ Аристаса, повергъ его мертва на землю. Мы тотчасъ были задержаны. Отецъ Аристасовъ никакъ не хотѣлъ внимать моимъ жалобамъ, и коварствами своими достигъ до того, что дочь моя посажена была въ смирительный домъ, а сынъ мой въ возмѣздіе за ревностное защищеніе своего родителя скоро погибнетъ отъ руки палача.

Отри твои слезы, сказалъ Апрій, вотъ тридцать унцій золота, которыми я тебя дарю. Продолжай ремесло свое такъ какъ честный человѣкъ; завтре ты паки увидишь своихъ дѣтей. Старецъ хотѣлъ было по вергнуться къ его стопамъ, но Король

вставши, вышелъ.

Апрій шествуя погруженъ былъ въ глубочайшее разсужденіе; Кандидамандоръ не прерывая онаго за нимъ слѣдовалъ. Онъ давалъ время совершенно проникнуть въ видѣнное имъ. — Проходя одинъ переулокъ, вдругъ увидѣли молодаго человѣка, выбѣжавшаго изъ дому съ растрепанными власами и въ окровавленномъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ платьѣ. Зрѣлище сіе удивило Апрія. Онъ остановилъ молодаго человѣка, которой хотѣлъ продолжать свой путь; но Король спросилъ у него съ ласковымъ видомъ, что не могутъ ли они быть ему полезнымъ. Конечно, отвѣчалъ Египтянинъ, ежели вы хотите вспомоществовать до-

бродѣтели, которую чудовище приноситъ въ жертву своему своенравію и скупости. — Слѣдуйте за мною. Они взошли въ одинъ домъ, гдѣ увидѣли женщину, держащую въ рукахъ кинжалъ, молодую дѣвушку, утопающую въ слезахъ, Евреянина богато одѣтаго и Жреца. Пришествіе двухъ незнакомцевъ поразило женщину. Она хотѣла приказать своимъ невольникамъ, выгнать ихъ вонъ, какъ Евреянинъ узналъ Короля, не взирая на то, что онъ былъ переодѣтъ въ простое платье. Женщина пребыла въ глубокомъ молчаніи, невольники трепетали, дѣвица и молодой человѣкъ рыдая бросились къ его ногамъ. Апрій ихъ поднялъ и приказалъ изъяснить причину

такого ужаснаго зрѣлища.

О Государь! сказалъ Египтянинъ, повергаясь паки къ ногамъ его; сжалься надъ погибающею добродѣтелью и надъ несчастнымъ любовникомъ, безъ твоей подпоры жить не могущимъ. Я воспитанъ былъ съ Зліею. Отецъ мой и ее были друзья. Оба кончили жизнь въ службѣ великаго Аримаза, твоего родителя. Бракъ нашъ благословленъ ими былъ еще съ самаго юношества. Онъ долженъ былъ совершиться послѣ послѣдняго похода, въ которомъ я былъ съ моимъ отцемъ; но смерть двухъ друзей оному возпрепятствовала. Первой былъ убитъ предъ своимъ легіономъ, а послѣдній спасая жизнь храбраго Аримаза. По окончаніи

войны съ поспѣшностїю я возвратился, но все уже перемѣнилось. Недостойная сїя мать обѣщала въ супружество Зилїю, Зилїю дочь, происходящую отъ поколѣнїя двадцати храбрыхъ воиновъ, принесшихъ жизнь свою въ жертву за ихъ Государя, иноплеменнику, которой всегда жаждалъ крови нашего народа: ибо мачиха ея пылая ко мнѣ слѣпою любовїю, хотѣла, дабы я имѣлъ къ ней одинаковыя чувствованїя, какїя ощущаю къ ея дочери. Я ее просилъ со слезами; но тщетно. — Она мнѣ отвѣчала, что я недовольно богатъ, дабы быть супругомъ Зилїи, и сего утра употребила она кинжалъ для принужденїя сочетаться бракомъ съ симъ чудовищемъ. Я хотѣлъ защи-

щать Зилїю, но подлецы не устыдились меня обезоружить, и изранивъ безчестно выгнать изъ дому. Я болѣе ничему не внималъ кромѣ моего отчаянїя, и бѣжалъ въ намѣренїи ввергнуться въ Нилъ, какъ Ваше Величество изволили меня остановить. О Государь, я обязанъ тебѣ жизнїю, и да обяжуся моимъ благополучїемъ! Правда, я не довольно богатъ, но и люблю Зилїю, моего Государя и мое отечество. Я уже получилъ за то возмѣздїе, и впредь оныхъ удостоюсь, или умру за наилучшаго изъ всѣхъ Государей. Мать хотѣла было отвѣчать; но Король приказалъ Жрецу совершить бракъ молодаго человѣка съ Зилїею, обѣщая устроить ихъ благополучїе.

По окончанїи церемонїи Государь вышелъ.

Король оставя сей домъ имѣлъ веселой видъ, и предложилъ Кандидамантору выпти за городъ. Погулявши немного Кандидаманторъ повелъ Короля въ домъ одного поселянина, которой получилъ нѣкоторое благотворенїе отъ Апрїя, коего онъ не зналъ.

Они нашли простой обѣдъ, но съ усердїемъ предложенный. Старецъ, супруга его и двѣ дочери составляли все семейство. Веселость была украшенїемъ онаго. Король наипаче всѣхъ казался быть довольнымъ; по окончанїи стола, онъ поздравилъ хозяина своего съ тѣмъ благополучїемъ, коимъ онъ наслаждался. Тогда всѣ едино-

гласно воззопили, мы имъ обязаны нашему Государю. Да сохранятъ Боги должайшее время Государя, созидающаго только благополучїе своихъ подданныхъ! Апрїй тронутъ былъ таковыми выраженїями ихъ признательности. Кандидаманторъ то замѣтивъ, заключилъ изъ сего доброе предзнаменованїе въ разсужденїи своего намѣренїя. Такъ, сказалъ старецъ, я теперь скорблю, для чего я не въ цвѣтущей еще моей молодости, дабы быть въ состоянїи пожертвовать моею жизнїю Государю, которой только жаждетъ благоденствїя своего народа. Естьли бы дни, кои мнѣ остаются еще жить, присовокуплены могли быть къ драгоцѣннымъ днямъ сего Государя;

тогда бы я умерла спокойно, говорила мать. Старшая изъ дочерей къ тому примолвила, я каждое утро хожу за три мили отсюда молить Боговъ, дабы они сохранили столь драгоцѣнную жизнь; а я, продолжала, младшая, безпрестанно возсылаю мольбы мои къ небесамъ, дабы они обратили на меня всѣ тѣ недуги, коими, ежели хотятъ, наказать столь добраго Государя. Апрій не могъ удержать своихъ слезъ; онъ доставилъ симъ честнымъ людямъ удовольствіе дать о себѣ знать, и оказалъ имъ новыя знаки своего человѣколюбія

Кандидаманторъ и Апрій хотѣли предпринять обратный путь къ Мемфису, какъ вдругъ услышали человѣка, громко го-

ворящаго. Конечно, я осмѣлюсь предстать Королю, буду просить у него на обожданіе времени, и онъ мнѣ вѣрно не откажетъ. Смущенный Апрій вопросилъ сего человѣка. Онъ былъ смѣлъ, молодъ, и вольно сталъ изъясняться. Государь мой, сказалъ Королю, котораго онъ не зналъ, я есмь повѣренной для собиранія Королевкихъ доходовъ въ сей деревнѣ; очень часто не достаетъ мнѣ твердости духа, чтобъ принудить несчастныхъ платить подать, кои въ самыхъ нужнѣйшихъ вещахъ терпятъ недостатокъ; но я никогда не дѣлаю имъ отсрочки безъ того, чтобъ не подвергнуть себя выговорамъ Казначея, которой есть первый извергъ человѣчества.—Вблизъ

отстоящемъ отсюда шалашѣ находится бѣдной больной виноградарь съ своей женою, коимъ недостаетъ самонужнѣйшей помощи. Я описалъ казначею ихъ положенїе, моля его со слезами, дабы онъ подождалъ до собиранїя винограда ту плату, кою они еще внести долженствовали. Варваръ хочетъ продать постелю, которая только одна у нихъ осталась.

Поселянинъ еще бы продолжалъ говорить, какъ вдругъ взошелъ казначей. Онъ не видалъ Короля, которой сидѣлъ въ углу, удаленномъ отъ свѣта. Ну, сказалъ онъ строгимъ голосомъ, что ети люди заплатятъ ли? Повѣренной ему сказалъ, что у нихъ нѣтъ ни полушки. — Здери съ нихъ кожу

и принеси ко мнѣ, сказалъ казначей, кленяся именемъ Богини Изисы.

Раздраженный Государь, вставъ съ своего мѣста, сказалъ: не такимъ образомъ повелѣваю я собирать мои доходы. Вотъ, примолвилъ онъ, бропя кошелекъ на столъ, возьми должныя тебѣ деньги, а остальныя отнеси къ тѣмъ несчастнымъ, коихъ ты столь безчеловѣчно мучишь, и здай должность свою сему поселянину, которой преподавалъ собою тебѣ столь похвальный примѣръ человѣколюбія.

О любезный мой Кандидамантöръ, сказалъ онъ Аѳинянину, обнимая его, сколь много я обязанъ тебѣ благодарностiю! Я только съ сегоднишняго дни

отстоящемъ отсюда шалашѣ находится бѣдной больной виноградарь съ своей женою, коимъ недостаетъ самонужнѣйшей помощи. Я описалъ казначею ихъ положенїе, моля его со слезами, дабы онъ подождалъ до собиранїя винограда ту плату, кою они еще внести долженствовали. Варваръ хочетъ продать постелю, которая только одна у нихъ осталась.

Поселянинъ еще бы продолжалъ говорить, какъ вдругъ взошелъ казначей. Онъ не видалъ Короля, которой сидѣлъ въ углу, удаленномъ отъ свѣта. Ну, сказалъ онъ строгимъ голосомъ, что ети люди заплатятъ ли? Повѣренной ему сказалъ, что у нихъ нѣтъ ни полушки. — Здери съ нихъ кожу

и принеси ко мнѣ, сказалъ казначей, кленяся именемъ Богини Изисы.

Раздраженный Государь, вставъ съ своего мѣста, сказалъ: не такимъ образомъ повелѣваю я собирать мои доходы. Вотъ, примолвилъ онъ, брося кошелекъ на столъ, возьми должныя тебѣ деньги, а остальныя отнеси къ тѣмъ несчастнымъ, коихъ ты столь безчеловѣчно мучишь, и здай должность свою сему поселянину, которой преподавалъ собою тебѣ столь похвальный примѣръ человѣколюбія.

О любезный мой Кандидамантöръ, сказалъ онъ Аѳинянину, обнимая его, сколь много я обязанъ тебѣ благодарностію! Я только съ сегоднишняго дни

отстоящемъ отсюда шалашѣ находится бѣдной больной виноградарь съ своей женою, коимъ недостаетъ самонужнѣйшей помощи. Я описалъ казначею ихъ положенїе, моля его со слезами, дабы онъ подождалъ до собиранїя винограда ту плату, кою они еще внести долженствовали. Варваръ хочетъ продать постелю, которая только одна у нихъ осталась.

Поселянинъ еще бы продолжалъ говорить, какъ вдругъ взошелъ казначей. Онъ не видалъ Короля, которой сидѣлъ въ углу, удаленномъ отъ свѣта. Ну, сказалъ онъ строгимъ голосомъ, что єти люди заплатятъ ли? Повѣренной ему сказалъ, что у нихъ нѣтъ ни полушки. — Здери съ нихъ кожу

и принеси ко мнѣ, сказалъ казначей, кленяся именемъ Богини Изисы.

Раздраженный Государь, вставъ съ своего мѣста, сказалъ: не такимъ образомъ повелѣваю я собирать мои доходы. Вотъ, примолвилъ онъ, брося кошелекъ на столъ, возьми должныя тебѣ деньги, а остальныя отнеси къ тѣмъ несчастнымъ, коихъ ты столь безчеловѣчно мучишь, и здай должность свою сему поселянину, которой преподавалъ собою тебѣ столь похвальный примѣръ человѣколюбія.

О любезный мой Кандидаманторъ, сказалъ онъ Аѳинянину, обнимая его, сколь много я обязанъ тебѣ благодарностію! Я только съ сегоднишняго дни

начинаю быть Государемъ. Какъ мнѣ день сей показался коротокъ! Ты открылъ мнѣ настоящую тайну никогда не скучать, которая состоитъ въ томъ, чтобъ облегчать бремя страждущихъ.

ГЛАВА XXII.,,

Черные цыплята.

Кандидамантѳръ часъ отъ часу болѣе прилѣплялся къ Апрїю, и онъ доказывалъ свою дружбу, преподавая ему добрые совѣты. Онъ былъ министромъ, не имѣя сего чина.

Дворянство въ Мемфисѣ находится въ величайшемъ почтенїи. Безъ него не можно достигнуть великихъ почестей. Египтяне также весьма ревно-

стно доказываютъ древность своего поколѣнія. Нѣкоторые превозносятся тѣмъ, что происходятъ отъ перваго Крокодила, коего примѣтили на брегахъ Нила. Другіе отъ быка, которой сотовариществовалъ Изисѣ, когда она въ видѣ коровы блудила по Египетскимъ полямъ. Славная фамилія хвасталася вести свое поколѣніе отъ перваго осла, которой началъ ржать, въ то время, какъ узнали Богиню. — Кандидаманторъ увѣрилъ Короля, что можно быть человѣку съ достоинствами, не происходя ни отъ осла, ни отъ быка.

Въ одинъ день встрѣтился онъ въ присудственномъ мѣстѣ съ пастухомъ, которой держалъ въ рукахъ пятьдесятъ

челобитенъ. Онъ его спросилъ, что онъ съ ними хочетъ дѣлать? Я хочу ихъ всѣ подать, отвѣчалъ пастухъ; ибо имѣю дѣло, которое очень давно продолжается. Волкъ похищаетъ у меня барана каждой разъ, какъ я оставляю мое стадо, и прихожу въ городъ подавать мою прозьбу; однакожъ меня увѣрили, что до тѣхъ поръ не увижу судью, пока не подамъ оныхъ великое множество; почему я теперь къ нему и принесъ вдругъ пятьдесятъ. Кандидаманторъ приказалъ, чтобъ судьи употребляли то время, въ которое они принимаютъ прошенія, на рѣшеніе подаваемыхъ прозьбъ.

Кандидаманторъ зналъ одного человѣка, которой от-

вергалъ существо всемогущаго Творца. Онъ потребовалъ его во дворецъ, приказалъ сперва приготовить такую комнату, какую онъ заблагоразсудилъ для своего намѣренія. Нечестивецъ съ спокойнымъ духомъ увѣрялъ Кандидамантора, что Божество было не что иное, какъ пустое воображеніе, Аѳинянинъ на то ничего не отвѣчая, вышелъ вонъ. Едва только успѣлъ онъ выпти, какъ вдругъ комната разрушилась. Нечестивецъ держался только на одномъ бревнѣ, которое также казалось близко къ паденію. Всещедрый Боже! вскричалъ онъ тогда, спаси меня. Такъ ты теперь вѣришь, сказалъ Кандидаманторъ, отворивъ дверь другой комнаты; развѣ надобно

исторгать страхомъ изъ гордыхъ людей то, чѣмъ они обязаны своему Создателю.

Изъ всѣхъ Кандидамантировыхъ предпріятій было наитруднѣйшее истребленіе черныхъ цыплятъ. Плодоносныя поля Мемфиса могли бы раждать гораздо болѣе, нежели сколько довлѣло для прокормленія всего Государства, ежели бы цыплята не съѣдали большую часть онаго. Египтяне обожаютъ животныхъ. Жители Мемфиса болѣе всѣхъ чернымъ цыплятамъ воздаютъ богослуженіе, богамъ весьма опаснымъ для народа; ибо они причиняли гибель онаго. Для ихъ пищи отведены были особенные поля; но повсюду бродящіе сіи Боги часто таскали хлѣбъ и участ-

ныхъ людей. Ихъ отгонять было запрещено. Египтянинъ, которой осмѣлится ихъ ударить, наказывался за то смертїю. Родъ черныхъ цыплятъ наиболѣе у нихъ былъ въ почтенїи, которой привезенъ былъ изъ Индїи однимъ Иберїаниномъ. Они вездѣ были видны у гражданъ, у вельможъ и у женщинъ. Они столько были смѣлы, что стаскивали со стола поставленныя для Короля кушанья; вольность сїя не слишкомъ понравилась Кандидамантору.

Въ одинъ день присталъ къ берегамъ Мемфиса корабль нагруженный хлѣбомъ; лишь только онъ былъ выгруженъ, какъ цыплята со всѣхъ сторонъ собралися, и хлѣбъ въ короткое время весь изчезъ. Купцы рѣши-

лись на тотъ разъ нарушить почтенїе къ своимъ Богамъ. Они требовали, что хозяева съѣденнаго хлѣба должны получить въ заплату тотъ хлѣбъ, которой сохраняется у нихъ для Боговъ, ибо они съѣли весь грузъ ихъ корабля. Жрецы напротивъ твердо настояли, что всякой священной залогъ неможетъ быть перемѣненъ. Кандидаманторъ приказалъ черныхъ цыплятъ выгнать вонъ изъ города, запретя, чтобъ они никогда въ оной не входили; а ежели опять возвратятся, то съ ними поступлено будетъ какъ съ обыкновенными жителями задняго двора, которые безпокоятъ своего Господина.

Спустя нѣсколько времени послѣ изгнанїя черныхъ цып-

лятъ, появилась на небѣ комета. Жрецъ говорилъ всенародно, что небо показывало симъ явленіемъ то, сколь оно разгнѣвано. Онъ прибавилъ къ тому, что весь Египетъ въ скоромъ времени превращенъ будетъ въ пепелъ, ежели со всевозможною скоростію не впустятъ опять въ городъ черныхъ цыплятъ. Кандидаманторъ, который былъ лучшій Астрономъ, нежели ораторъ, приказалъ посадить его на осла лицемъ къ хвосту и водить по городу съ сею надписью *смѣшной враль*; что увидя каждой замолчалъ.

Какъ только черные цыплята были изгнаны; то нѣкоторыя женщины и слабоумные люди, которые обожали обезъянъ, торжествовали, собираясь

вѣ публичныя мѣста, гдѣ попрыгивали козелкомѣ, и дѣлая тѣлодвиженія, подражая своимѣ богамѣ. Кандидаманторѣ приказалѣ сказать, что какѣ обезьяны, такѣ и ихѣ обожатели заперты будутѣ вѣ домѣ сумашедшихѣ, гдѣ они по своей волѣ могутѣ скакать.

ГЛАВА XXIII и последняя.

Дружество.

Король мало по малу со всѣмѣ потѣрялѣ то удовольствіе, которое онѣ ощущалѣ по прибытіи Аѳинянина. Онѣ здѣлался печальнымѣ, задумчивымѣ и здравіе его часѣ отѣ часу начало ослабѣвать. Кандидаманторѣ спросилѣ у него безѣ всякихѣ околичностей о причинѣ

таковой перемѣны, и осмѣлился ему сказать, что онъ молчанїемъ своимъ нарушаетъ соединяющую ихъ дружбу.

Таковыя упреки тронули Апрїя, хотя онъ былъ и Государь. Онъ признался другу своему, что любовь, которую онъ до сихъ поръ презиралъ, начала въ свое время и надъ нимъ владычествовать; что онъ обожалъ одну молодую Гречанку, подпавшую его власти, но что она совершенно противится его желанїямъ. Онъ, краснѣя, признался, что сїя страсть столь много надъ нимъ владычествовала, что онъ ей единою токмо и занимался.

Кандидаманторъ съ спокойнымъ духомъ его увѣрилъ, что онъ потому былъ побѣжденъ

любовїю, что никогда не имѣлъ силы ее преодолѣть. Уступай, Государь, сладострастїямъ; но уступай, яко Государь, а не яко ихъ рабъ; мысли всегда, что первыя твои обязанности суть тѣ, дабы ты творилъ благо твоимъ подданнымъ. Когда онѣ будутъ выполнены, тогда провождай нѣкоторыя минуты въ объятїяхъ веселїя; оно существуетъ для великихъ мужей. Я говорю тебѣ истинну; поелику есмь другъ твой, и тако довлѣетъ говорить Государямъ.

Оставшись одинъ Кандидаманторъ удивился сопротивленїю желанїямъ Государевымъ, которой столь много заслуживалъ быть любимымъ. Другъ его рѣшился самъ посмотрѣть, что молодая Гречанка была ли достойна таковой любви, какую

къ ней имѣли. Кандидамантор попросилъ позволенія взойти въ комнаты женщинъ. Онъ оное скоро получилъ. Сколь велика была его радость, а совокупно и соболезнованіе, какъ онъ увидѣлъ, что обожаемая Апрїемъ Гречанка, была дражайшая его Евгенія. Однакожъ онъ ей ничего не сказалъ о томъ, что происходило въ его сердцѣ, а увѣрилъ только въ томъ, что онъ все еще ее любитъ.

Удаляся въ с ои чертоги, онъ предался разсужденію. Евгенія мнѣ мила, говорилъ онъ, но она любима Апрїемъ. Есть страсти, коихъ не можно преодолѣть. Здравіе его повреждается, горестное уныніе можетъ прервать нить его жизни. Онъ Государь, и достоинъ быть

онымъ; смерть его повлечетъ за собою гибель всего народа, о благѣ коего онъ безпрестанно печется; а я есмь только простой человѣкъ. Надобно уступить и постараться о благоденствіи тѣхъ, кои нужнѣе насъ.

Король въ самую ту минуту взошелъ; Кандидаманторъ сказалъ ему, кто была такова молодая Гречанка, и увѣрилъ его что онъ болѣе ее не требуетъ. Не для того, примолвилъ онъ, что ты Государь, и не для того, что ты мой другъ, я тебѣ ее уступаю; но поелику жизнь твоя нужна людямъ, а я обязанъ имъ первѣйшею моею любовію. Удивленный Король ничего не отвѣчая вышелъ.

На другой день Апрій предложилъ Кандидамантору съ-

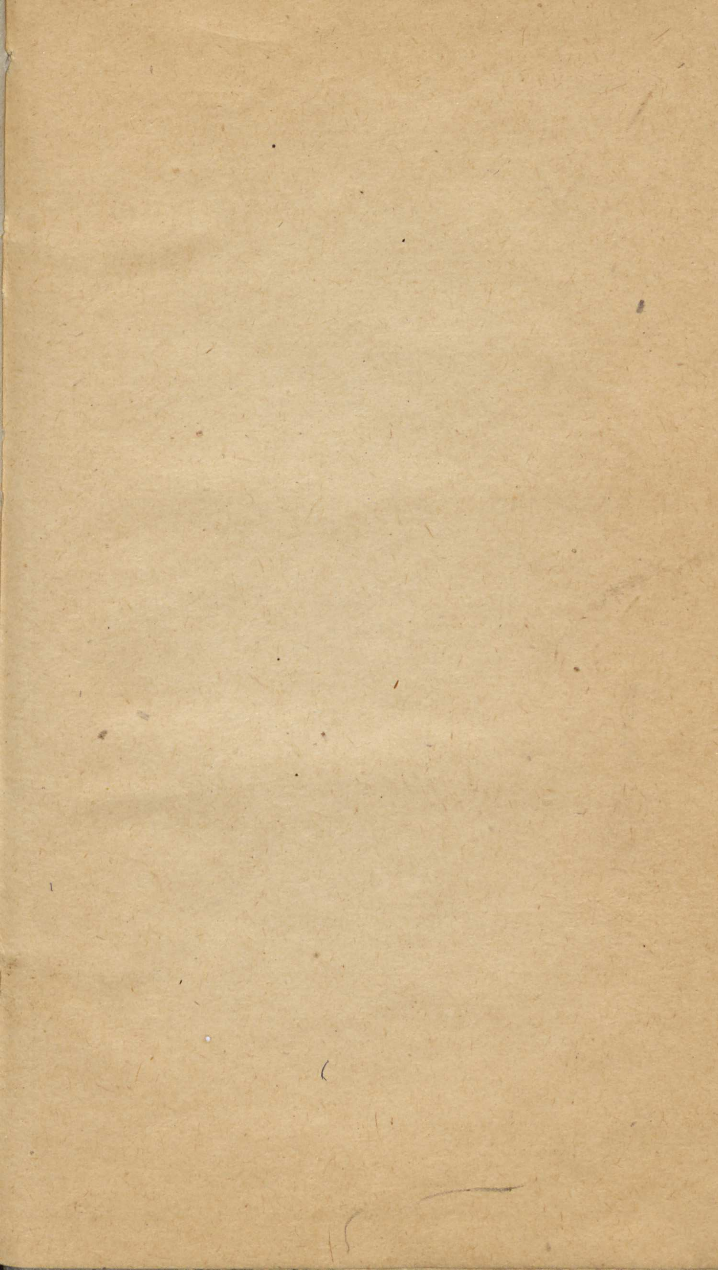
ѣздить въ прекрасной замокъ, отстоящїй на четыре мили отъ Мемфиса. Какъ они туда приѣхали, то чиновникъ, виноградарь и ремесленникъ, кои обязаны были своимъ благополучїемъ Аѳинянину, вышли его поздравить, яко своего властителя. Онъ сему удивился. Король съ спокойнымъ духомъ сказалъ, что онъ нѣчто хотѣлъ подарить своему другу, и дабы учинить подарокъ сей прїятнѣе, то онъ отдалъ ему во власть тѣхъ, коимъ онъ доставилъ благополучїе, и дабы всегда имѣлъ удовольствїе видѣть людей имъ облагодѣтельствованныхъ. Потомъ они взошли въ большую залу, гдѣ нашли Евгенїю. Вотъ, сказалъ, Апрїй та, которую мы обожаемъ; она

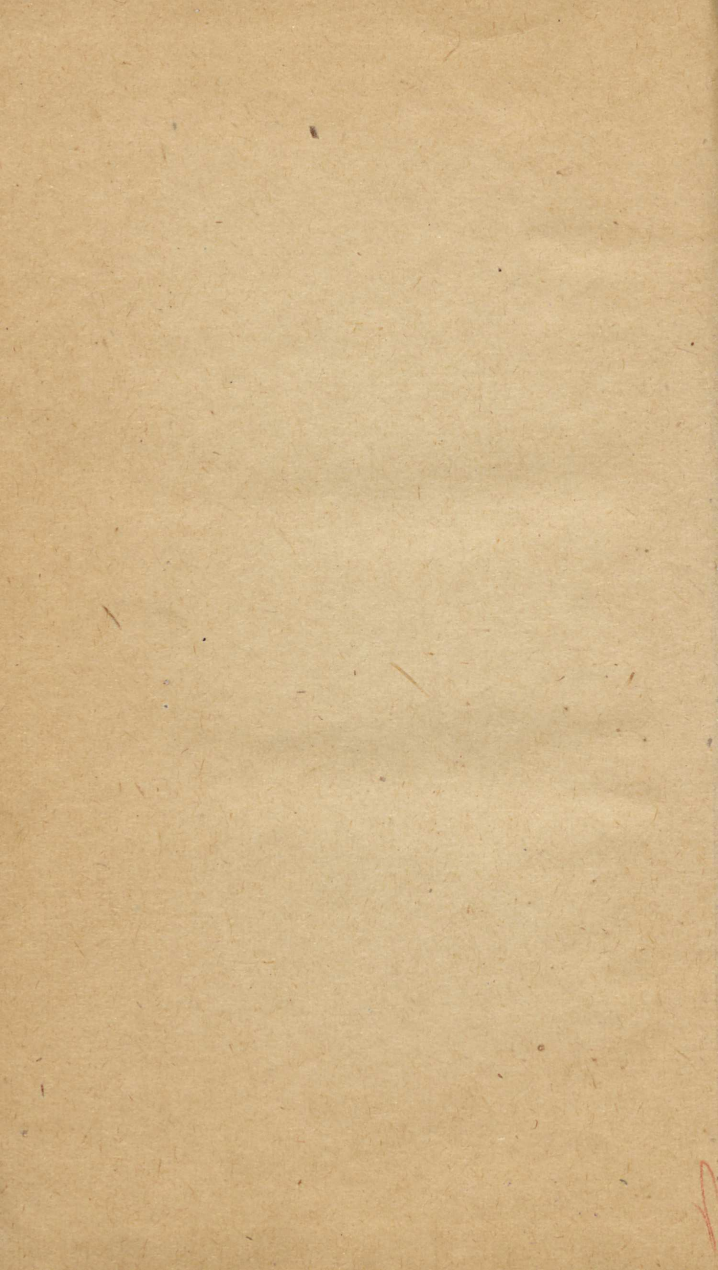
взята была моими кораблями въ виду Тира. Я долго не зналъ, кто она такова. Ты меня извѣстилъ, уступивъ ее; ты меня научилъ, какъ должно себя побѣждать. Теперь мнѣ должно показать примѣръ. Я тебѣ ее возвращаю; замокъ сей, и все, что ты ни видишь въ немъ, тебѣ принадлежитъ, и ты ни отъ кого не получаешь законовъ, какъ только отъ самаго себя. Я не требую въ возмѣздіе за подарокъ, которой тебѣ дѣлаю, ничего кромѣ одной вещи, то есть, чтобъ ты пребылъ на вѣки моимъ другомъ.

Добрый Государь дѣлаетъ хорошаго гражданина, а добрый гражданинъ хорошаго Государя.

КОНЕЦЪ.

ТИПОГРАФИЯ ГПБ
Бригада № 7
1951 г.